

Это сильная,
но мучительная
история,
которую
трудно
забыть.

*Kirkus
Reviews*

дорога из

ОСВЕНЦИМА

От автора мирового бестселлера
с многомиллионным тиражом

**ТАТУИРОВЩИК
ИЗ ОСВЕНЦИМА**

ХЕЗЕР МОРРИС

Азбука-бестселлер

Хезер Моррис

Дорога из Освенцима

«Азбука-Аттикус»

2019

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44

Моррис Х.

Дорога из Освенцима / Х. Моррис — «Азбука-Аттикус»,
2019 — (Азбука-бестселлер)

ISBN 978-5-389-18287-5

Силке было всего шестнадцать лет, когда она попала в концентрационный лагерь Освенцим-Биркенау в 1942 году. Красота девушки привлекает внимание старших офицеров лагеря, и Силку насильно отделяют от других женщин-заключенных. Она быстро узнает, что власть, даже нежелательная, равняется выживанию. Война окончена. Лагерь освобожден. Однако Силку обвиняют в шпионаже и в том, что она спала с врагом, и отправляют в Воркутинский лагерь. И здесь Силка ежедневно сталкивается со смертью, террором и насилием. Но ей везет: добрый врач берет девушку под свое крыло и начинает учить ее на медсестру. В стремлении выжить девушка обнаруживает в себе силу воли, о которой и не подозревала. Она начинает неуверенно завязывать дружеские отношения в этой суровой, новой реальности и с удивлением понимает, что, несмотря на все, что с ней произошло, в ее сердце есть место для любви. Впервые на русском языке!

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-389-18287-5

© Моррис Х., 2019
© Азбука-Аттикус, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	28
Глава 5	40
Глава 6	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Хезер Моррис

Дорога из Освенцима

Heather Morris

Cilka's journey

Copyright © Heather Morris, 2019

© И. В. Иванченко, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

Моим внукам Генри, Натану, Джеку, Рейчел и Эитону.

Никогда не забывайте об отваге, любви, надежде, подаренных нам теми, кто выжил, и теми, кому не довелось выжить.

Этот роман о Сесилии (Силке) Кляйн основан на рассказе не только Лале Соколова, татуировщика из Освенцима, который знал ее по Освенциму-Биркенау, но и других людей, знакомых с Силкой, а также на моем собственном расследовании. И хотя в книге сплетаются воедино судьбы женщин, уцелевших после Холокоста и сосланных в советские лагеря системы ГУЛАГ в конце Второй мировой войны, это художественное произведение, а потому в нем не излагаются во всей полноте факты жизни Силки. Кроме того, в романе действуют разные персонажи. На создание одних меня вдохновили реальные люди, а другие – плод моего воображения. В нашей истории существует масса фактографических материалов, документирующих эту страшную эпоху, и я поддерживаю любого читателя, заинтересованного в его поиске.

Дополнительная информация о Сесилии Кляйн и ее семье, а также о ГУЛАГе приводится в конце данной книги. Надеюсь, что после ее опубликования появятся новые подробности о жизни Силки и знавших ее людей.

*Хезер Моррис,
октябрь 2019 года*

Глава 1

Концлагерь Освенцим,

27 января 1945 года

Восемнадцатилетняя Силка непонимающе смотрит на возвышающегося над ней солдата из армейской части, которая вошла в лагерь. Он что-то говорит по-русски, потом по-немецки:

– Ты свободна. Du bist frei.

До нее не сразу доходят его слова. Единственные русские, которых она до этого видела в лагере, – военнопленные, истощенные, голодающие.

Неужели такое возможно и свобода действительно существует? Неужели этот кошмар закончился?

Не дождавшись ответа, солдат, нагнувшись, кладет руки ей на плечи, и Силка вздрагивает.

– Прости, я не хотел тебя напугать, – произносит солдат на плохом немецком и быстро убирает руки, потом догадывается, что она его не понимает, и медленно повторяет: – Ты свободна. Ты в безопасности. Мы – Советская армия, и мы пришли сюда помочь тебе.

– Я понимаю, – шепчет Силка, плотнее запахивая на хрупкой фигурке пальто.

– Понимаешь русский? – (Силка кивает, ведь она выросла там, где говорили на русинском языке, одном из восточнославянских.) – Как тебя зовут? – ласково спрашивает он.

Силка смотрит солдату в глаза и отвечает ясным голосом:

– Я Сесилия Кляйн, но друзья называют меня Силка.

– Красивое имя, – говорит он.

Так странно смотреть на такого здорового мужчину, не являющегося одним из ее тюремщиков. Эти ясные глаза, полные щеки, светлые волосы, выбивающиеся из-под фуражки.

– Силка Кляйн, откуда ты родом?

Воспоминания о прежней жизни потускнели, затуманились. В какой-то момент ей стало чересчур мучительно вспоминать о жизни с родными в Бардееве.

– Я из Чехословакии, – отвечает она прерывающимся голосом.

Концлагерь Освенцим-Биркенау,

февраль 1945 года

Силка сидит в блоке, пододвинувшись как можно ближе к единственной печке. Она понимает, что успела привлечь к себе внимание. Других физически крепких женщин, в том числе ее подруг, эсэсовцы принудительно выдворили из лагеря уже несколько недель назад. Оставшиеся узницы – ходячие скелеты, больные или совсем дети. И есть еще Силка. Оставшихся должны были расстрелять, но, торопясь убраться вон, нацисты бросили их на произвол судьбы.

С солдатами пришли, как слышала Силка, представители контрразведки, хотя она не понимает, что это значит, чтобы решить задачи, которые не входят в обязанности армии. Эта организация призвана поддерживать закон и порядок, в особенности когда речь заходит о любых угрозах для Советского государства. Как сказал ей один солдат, они опрашивают каж-

дого узника с целью определения его статуса во время заключения в лагере: не сотрудничал ли он или она с нацистами, не работал ли на них. Отступающая германская армия считается врагом Советского Союза, и любой, имеющий к ним отношение, по умолчанию является врагом Советского Союза.

В блок входит солдат:

– Пойдем со мной!

Он указывает на Силку, хватает ее за правую руку и заставляет встать.

На протяжении нескольких недель она видит, как других девушек уводят на допрос, и это вошло в распорядок их блока. Настает очередь Силки. Ей всего восемнадцать лет, и она лишь надеется, что они поймут: у нее не было выбора, и, чтобы выжить, пришлось подчиниться. Не было выбора, помимо смерти. Она лишь надеется, что вскоре сможет вернуться домой в Чехословакию и жить дальше.

Силку приводят в здание, где размещается штаб Советской армии. Силка робко улыбается четверым мужчинам, сидящим в комнате напротив нее. Они здесь, чтобы наказать ее жестоких тюремщиков, а не ее. Настали хорошие времена, не будет больше потерь. Но ее улыбка остается без ответа. Она замечает, что их форма немного отличается от формы военных, оставшихся снаружи. На плечах у них погоны с синим кантом, лежащие на столе перед ними фуражки того же цвета с красной полосой.

Один из них в конце концов улыбается ей и ласково произносит:

– Скажи, пожалуйста, как тебя зовут?

– Сесилия Кляйн.

– Откуда ты родом, Сесилия? Страна и город.

– Я из Бардеева в Чехословакии.

– Дата твоего рождения?

– Семнадцатое марта тысяча девятьсот двадцать шестого года.

– Сколько времени ты пробыла здесь?

– Меня привезли сюда двадцать третьего апреля тысяча девятьсот сорок второго года, мне только что исполнилось шестнадцать.

Офицер молча изучает ее:

– Много времени прошло.

– Здесь – это целая вечность.

– И что ты делала здесь с апреля тысяча девятьсот сорок второго?

– Старалась выжить.

– Да, но как ты это делала? – Он наклоняет голову, глядя на нее. – Ты не похожа на голодающую.

Силка не отвечает, теребя руками кончики волос, которые она подрезала несколько недель назад, когда ее подруг отправили из лагеря.

– Ты работала?

– Я работала, чтобы остаться в живых.

Мужчины обмениваются взглядами. Один из них берет листок бумаги, делая вид, что читает, а потом говорит:

– У нас рапорт на тебя, Сесилия Кляйн. В нем говорится, что ты сохранила себе жизнь, занимаясь проституцией с врагом.

Силка молчит, с трудом сглатывает, переводит взгляд с одного мужчины на другого, пытаясь понять смысл их слов, угадать, что они ожидают услышать в ответ.

– Это простой вопрос, – произносит другой. – Ты спала с нацистами?

– Они – мои враги. Я была их узницей.

– Но ты спала с нацистами? Нам сказали, что да.

– Как и многие другие здесь, мне приходилось делать то, что велели мои тюремщики.

Встает первый офицер и, не глядя на нее, говорит:

– Сесилия Кляйн, мы отправим тебя в Краков, где определится твоя судьба.

– Нет! Вы не можете так со мной поступить! – восклицает Силка, которая не может поверить в происходящее. – Я здесь узница.

Один из мужчин, до сих пор молчавший, спокойно спрашивает:

– Ты говоришь по-немецки?

– Да, немного. Я здесь уже три года.

– И нам сказали, ты говоришь и на других языках, хотя сама из Чехословакии.

Силка не возражает, хмурясь и не понимая смысла сказанного. Она изучала иностранные языки в школе, другим научилась здесь.

Офицеры переглядываются.

– Владение иностранными языками заставляет заподозрить тебя в том, что ты шпионка, продающая кому-то информацию. Это будет расследовано в Кракове.

– Можешь ожидать длительного срока каторжных работ, – произносит первый офицер.

Силка реагирует не сразу, а потом ее хватает за руку солдат, который привел ее в комнату, и выволакивает за дверь, а она пронзительно кричит:

– Меня заставили, меня насильовали! Нет! Пожалуйста!

Но офицеры не обращают на это внимания. Они занимаются следующим заключенным.

Тюрьма Монтелюпих, Краков,

июль 1945 года

Силка, скорчившись, сидит в углу сырой вонючей камеры, пытаясь ухватить нить уходящего времени. Дни, недели, месяцы.

Она не разговаривает с женщинами вокруг нее. Любую, пойманную надзирателями за разговорами, выводят за дверь, и потом она возвращается с синяками и в разорванной одежде. Молчи, не высывайся, говорит она себе, пока не поймешь, что происходит и что следует говорить или делать. Она оторвала от платья клочок ткани и замотала себе нос и рот, пытаясь заглушить вонь от человеческих экскрементов, сырости и гниения.

В один из дней Силку выводят из камеры. Ей, обессилевшей от голода и постоянной настороженности, все кажется нематериальным, как во сне: фигуры надзирателей, стены, пол. В коридоре она становится в колонну заключенных, медленнодвигающихся к двери. Ей удается на миг прислониться к теплой сухой стене. В коридорах есть отопление для надзирателей, а в камерах нет. И хотя погода снаружи должна быть теплой, стены тюрьмы, похоже, удерживают ночную прохладу в течение следующего дня.

Наконец Силка входит в комнату, где за столом сидит офицер, лицо которого освещено зеленоватым светом единственной лампы. Офицеры, стоящие у двери, делают ей знак подойти к столу.

Офицер смотрит на листок бумаги:

– Сесилия Кляйн?

Она оглядывается по сторонам. Она одна в комнате с тремя дородными мужчинами.

– Да.

Он вновь опускает взгляд на бумагу:

– Тебя обвиняют в том, что ты работала проституткой на врагов, а также в шпионской деятельности. Ты приговорена к пятнадцати годам каторжного труда. – Он подписывает листок. – Подпиши здесь, что согласна.

Силка поняла все, что сказал офицер. Он говорил по-немецки, а не по-русски. Значит, это шутка? – думает она. Она чувствует на себе глаза мужчин, стоящих у двери. Она знает, что должна что-то сделать. Похоже, у нее нет выбора.

Сидящий за столом офицер переворачивает лист бумаги и указывает на пунктирную линию. Буквы над линией напечатаны кириллицей. И вновь, как не раз случилось в ее молодой жизни, она стоит перед выбором: пойти по узкой дорожке, лежащей перед ней, или принять смерть.

Офицер протягивает ей перо, а затем бросает скучающий взгляд на дверь в ожидании следующего. Он всего лишь выполняет свою работу.

Трясущейся рукой Силка подписывает листок.

Ее выводят из тюрьмы и заталкивают в грузовик, и тут она понимает: зима прошла, весны как не бывало и на дворе лето. Солнечное тепло как бальзам для ее промерзшего, но все еще живого тела, однако от этого сияния больно глазам. Силка не успевает еще привыкнуть к яркому свету, как грузовик резко останавливается. Перед ней возникает красный вагон поезда для перевозки скота.

Глава 2

Поезд в Воркутинский лагерь, Сибирь, в 160 километрах к северу от Северного полярного круга,

июль 1945 года

Пол закрытого железнодорожного вагона устлан соломой, и каждая узница пытается выкроить себе местечко, чтобы сесть. Голосят пожилые женщины, плачут младенцы. Звуки женского страдания. Силка надеялась, что ей не придется больше их слышать. Поезд часами простаивает на станциях, и горячее солнце превращает теплушку в печь. Ведро воды, принесенное на всех, вскоре иссякает. Младенцы заходятся в крике, старухи раскачиваются из стороны в сторону, словно в трансе. Силка прижалась к стенке, с жадностью вдыхая струйки воздуха, просачивающиеся сквозь крошечные трещины. К ней сбоку прислонилась какая-то женщина, с силой навалившись на ее колени. Силка не отталкивает женщину. Не имеет смысла бороться за место, которого нет.

Наступает ночь. Состав рывком трогается с места, и локомотив натужно силится увезти подальше от Кракова неведомое число вагонов, лишая Силку надежды вернуться домой.

Итак, сидя тогда в том блоке в *другом месте* и ожидая решения своей участи, она на миг позволила себе понадеяться. Как она только посмела?! Ей предназначено быть наказанной. Может быть, она это заслужила. Но под стук вагонных колес она дает себе клятву, что никогда и ни за что не попадет снова в такое место, как блок 25.

Должны найтись другие способы остаться в живых, помимо того, когда оказываешься свидетелем стольких смертей.

Узнает ли она когда-нибудь о том, удалось ли спастись ее подругам, вывезенным из лагеря? Они должны были спастись. Ей невыносимо думать о другом исходе.

Под перестук колес дети засыпают, но вскоре тишину нарушает вопль молодой матери, держащей на руках исхудавшего ребенка. Ребенок умер.

Силка удивляется: что же совершили другие женщины, чтобы попасть сюда? Они тоже еврейки? Как она поняла из разговоров, большинство женщин в тюрьме не были еврейками. Куда же их везут? Как ни странно, Силке удастся заснуть.

От резкого торможения поезда женщин разметало по теплушке. Кто-то ударяется головой, кто-то ногой, слышны крики боли. Силка удерживается на месте, схватившись за женщину, которая ночью прислонялась к ней.

– Приехали, – говорит кто-то.

Но куда приехали?

Силка слышит, как опять с лязгом открываются двери первых вагонов, но никто не выходит. Потом раздвигаются двери их вагона. И снова в глаза Силки бьет яркий солнечный свет.

Снаружи стоят двое мужчин. Один протягивает женщинам ведро воды. Второй швыряет внутрь несколько буханок хлеба, после чего задвигает двери. Их снова окутывает полумрак. Начинается потасовка за кусок хлеба. Слишком знакомая Силке сцена. Вопли все усиливаются, пока наконец не встает пожилая женщина, подняв руки и ничего не говоря. Даже в полумраке ее внушительная поза заставляет всех замолчать.

– Будем делиться, – произносит она властным голосом. – Сколько у нас буханок?

Поднимаются пять рук, по числу буханок хлеба, которые надо разделить на всех.

– Отдайте одну детям, а остальные поделим. Если кому-нибудь не достанется, в следующий раз они получают хлеб первыми. Согласны?

Женщины начинают отламывать от буханки по маленькому кусочку, передавая хлеб матерям. Силка остается без хлеба. Она расстроена. Она считает, что неразумно давать еду детям, если их отправят в место, аналогичное тому, где она была. Это будет понапрасну. Она понимает, что мысль эта ужасная.

Состав несколько часов стоит на месте. Женщины и грудные дети снова затихают.

Тишина вдруг нарушается криками какой-то девочки. Женщины рядом с ней пытаются успокоить ее, выяснить, что случилось. Она рыдает, подняв окровавленную руку. Силка видит это в мерцающем свете, проникающем сквозь щели в стене теплушки.

– Я умираю.

Находящаяся рядом женщина смотрит вниз на кровь, которой запятнано платье девочки.

– У нее месячные, – говорит она. – С ней все хорошо, она не умирает.

Однако девочка продолжает рыдать.

Сидящая рядом с Силкой девушка, чуть моложе ее и в таком же летнем платье, поднимается с пола со словами:

– Как тебя зовут?

– Ана, – хнычет девочка.

– Ана, я Йося. Мы позаботимся о тебе, – говорит она, окидывая взглядом теплушку. –

Правда?

Женщины одобрительно бормочут.

Одна из них обхватывает ладонями лицо девочки и придвигается к ней:

– У тебя раньше не было месячных кровотечений?

Девочка отрицательно качает головой. Взрослая женщина прижимает ее к груди, стараясь успокоить. Силку охватывает странный приступ тоски.

– Ты не умираешь, ты становишься женщиной.

Некоторые женщины отрывают лоскуты от подолов своих платьев и передают их женщине, взявшей на себя заботу о девочке.

Поезд рывком трогается с места, и Йося падает на пол, захихикав. Силка не может удержаться и тоже прыскает. Они переглядываются. Йося немного похожа на ее подругу Гиту. Темные брови и ресницы, маленький красивый рот.

Проходит много часов, и состав снова останавливается. Узникам дают воду и хлеб. На этой остановке молодой матери приходится отдать солдатам своего мертвого младенца. Охранники удерживают ее от попыток выбраться из теплушки и остаться с мертвым ребенком. Дверь вагона с грохотом задвигается, и женщина умолкает. Ее уstraивают в углу вагона, где она может оплакать свое горе.

Силка видит, что Йося внимательно наблюдает за происходящим, прикрыв губы ладонью.

– Ты Йося, да? – спрашивает Силка девушку, которая в самом начале сидела, прислонившись к ней.

Она спрашивает по-польски, поскольку слышала, как та говорит на этом языке.

– Да. – Йося медленно пробирается среди тел, пока не утыкается в колени Силки.

– Я Силка.

Их разговор, похоже, поощряет к общению других женщин. Силка слышит, как соседки знакомятся друг с другом, и вскоре в теплушке начинают шушукаться. Определяют, кто на каком языке говорит, и женщины одной национальности пересаживаются ближе друг к другу. Они рассказывают свои истории. Одну женщину осудили за то, что она якобы помогала нацистам, разрешая им покупать хлеб в ее пекарне в Польше. Другую арестовали за то, что она переводила немецкие пропагандистские листовки. Еще одну схватили нацисты, а русские, застав их вместе, обвинили ее в шпионаже на немцев. Как ни странно, рассказы женщин о том, как они

попали в этот переплет, сопровождаются не только слезами, но и смехом. Некоторые женщины уверяют, что поезд идет в исправительно-трудовой лагерь, но куда именно, они не знают.

Йося рассказывает Силке, что она из Кракова и что ей шестнадцать лет. Силка открывает рот, собираясь рассказать о себе, но тут сидящая рядом женщина громким голосом объявляет:

– Я знаю, почему она здесь.

– Оставь ее в покое, – вмешивается властная женщина постарше, предложившая делить хлеб.

– Но я видела, как она зимой ходила в шубе, а мы умирали от холода.

Силка хранит молчание. По шее у нее ползут мурашки. Она поднимает голову и в упор смотрит на обидчицу. Этот взгляд женщина не может выдержать. Силка смутно помнит ее. Не была ли она тоже старожилом в Биркенау? Разве у нее не было теплой и удобной работы в административном здании?

– А ты, которая хочет обвинить ее, – говорит женщина постарше, – почему ты сейчас в этом роскошном вагоне едешь с нами в летний отпуск?

– Я ничего не сделала, – раздается робкий ответ.

– Мы все ничего не сделали, – защищая свою новую подругу, решительно произносит Йося.

Отвернувшись от женщины, Силка сжимает губы.

Она чувствует на себе ласковый ободряющий взгляд Йоси.

Силка отвечает ей слабой улыбкой, а потом отворачивается к стене и закрывает глаза, пытаясь изгнать из памяти внезапно нахлынувшее воспоминание о Шварцхубере, старшем офицере из Биркенау, как он, возвышаясь над ней в той комнатенке, расстегивает ремень, а за стеной слышатся рыдания женщин.

* * *

На следующей остановке Силка получает свою порцию хлеба. Она инстинктивно съедает половину, а остальное засовывает за корсаж платья. И оглядывается по сторонам, испугавшись, что кто-то попытается отобрать у нее хлеб. Потом, закрыв глаза, отворачивается к стене.

Ей все-таки удастся уснуть.

Очнувшись ото сна, она пугается, увидев прямо перед собой Йосю. Йося протягивает руку к коротко стриженным волосам Силки и дотрагивается до них. Силка старается подавить в себе желание оттолкнуть девушку.

– Мне нравятся твои волосы, – произносит печальный усталый голос.

Расслабившись, Силка дотрагивается до неровно стриженных волос юной девушки.

– Мне твои тоже нравятся.

В тюрьме Силку обрили и обработали голову от вшей. Для нее это знакомая процедура, поскольку она часто наблюдала ее в *другом месте*, но для Йоси это, вероятно, что-то новое.

Стремясь сменить тему разговора, Силка спрашивает:

– Ты здесь не одна?

– Я с бабушкой.

Силка следует за взглядом Йоси, замечает бодрую пожилую женщину, которая продолжает обнимать девочку Ану, и внимательно рассматривает обеих. Они кивают друг другу.

– Тебе, наверное, хочется пересесть ближе к бабушке, – говорит Силка.

Там, куда они едут, пожилая женщина может и не выдержать долго.

– Да, надо. Она, наверное, боится.

– Ты права. Я тоже боюсь, – отвечает Силка.

– Правда? А по виду не скажешь.

– О-о, боюсь! Если захочешь еще поговорить, я буду здесь.

Йося, пробираясь к своей бабушке, осторожно обходит других женщин. Силка наблюдает за ней при вспышках света, проникающего сквозь деревянную обшивку. Видя, как женщины пододвигаются, освобождая место ее новой подруге, Силка чуть улыбается.

* * *

– Мне кажется, прошло девять дней. Я считала. Сколько еще ехать? – бормочет Йося, ни к кому в особенности не обращаясь.

В теплушке теперь больше места. Силка сосчитала, сколько человек умерло от болезней, голода или ран, полученных на допросах. Во время стоянок их тела убирают из вагона. Одиннадцать взрослых, четыре грудных ребенка. Время от времени в теплушку кидают фрукты и корки хлеба, и Силка видит, как матери размягчают их во рту, чтобы дать детям.

Теперь Йося лежит, свернувшись калачиком, рядом с Силкой и положив ей голову на колени. Сон Йоси беспокоен. Силка догадывается, какие образы проносятся в сознании девушки. Несколько дней назад умерла ее бабушка. Эта женщина казалась такой сильной и бодрой, но потом начала кашлять, все сильнее и сильнее. Ее била дрожь, и она отказывалась от своей порции хлеба. А потом кашель прекратился.

Силка смотрела на Йосю, молча стоящую у дверей теплушки, когда тело ее бабушки грубо пихнули вниз ожидающим конвоиром. Силка ощутила сильную боль, от которой согнулась пополам, и у нее перехватило дыхание. Но она не издала ни звука, не проронила ни слезинки.

Освенцим, 1942 год

В жаркий летний день сотни девушек ведут из Освенцима в Биркенау. Четыре километра. Медленный мучительный переход для многих, у кого плохая обувь, и еще хуже для тех, у кого вовсе нет обуви. Пройдя под большой кирпичной аркой, они оказываются на стройплощадке по сооружению бараков. Работающие там мужчины прерывают работу, в ужасе глядя на вновь прибывших. Силка и ее сестра Магда пробыли в Освенциме около трех месяцев, работая вместе с другими словацкими девушками.

С главной дороги, идущей через лагерь, они сворачивают на отгороженную забором территорию, где стоят несколько законченных зданий, а другие еще только строятся. Законченных останавливают, и они стоят под палящим солнцем, как им кажется, не один час.

Сзади слышится какой-то шум. Силка оглядывается на ворота в женский лагерь и видит старшего офицера, который со своей свитой подходит к ним. Большинство девушек стоят с опущенными головами. Но не Силка. Она хочет увидеть человека, обеспечивающего защиту от группы безоружных беззащитных девушек.

– Оберштурмфюрер Шварцхубер, – обращаясь к старшему офицеру, говорит конвоир, – будете сегодня наблюдать за отбором?

– Да.

Старший офицер Шварцхубер идет вдоль шеренги девушек и женщин. Проходя мимо Силки и Магды, он чуть задерживается. Дойдя до края шеренги, он возвращается назад. На этот раз он видит опущенные вниз лица. Время от времени он приподнимает стеклом лицо девушки за подбородок.

Шварцхубер подходит ближе и останавливается рядом с Силкой, Магда стоит за ней. Он поднимает стек. Силка опережает его и вздергивает подбородок, глядя прямо на него. Если она привлечет его внимание, то он проигнорирует ее сестру. Он поднимает ее левую руку, пытаясь разглядеть на коже потускневшие цифры. Силка слышит за собой прерыви-

стое дыхание Магды. Шварцхубер отпускает ее руку и возвращается в начало шеренги. Силка замечает, что он разговаривает со стоящим рядом офицером СС.

* * *

Их снова сортируют. Налево, направо. Сердце громко стучит, тело в страхе сжимается. Силку и Магду отобрали, позволив прожить еще день. Теперь они выстроились в очередь в ожидании болезненной процедуры – обновить татуировки с номерами, чтобы остались надолго. Они стоят рядом, но не касаются друг друга, хотя отчаянно нуждаются в поддержке. Ожидая, они шепотом подбадривают друг друга.

Силка подсчитывает, сколько девушек стоят перед ней. Пять. Скоро наступит ее очередь, а потом очередь Магды. И снова она протянет кому-то свою левую руку, чтобы он наколот ей на кожу расплывчатые синие цифры. Впервые ей наколот номер в Освенциме три месяца назад, теперь снова после отбора для нового лагеря, Освенцим-2: Биркенау. Она начинает дрожать. На дворе лето, припекает солнце. Силка боится предстоящей боли. В первый раз она закричала от боли. В этот раз Силка говорит себе, что будет молчать. Хотя ей всего шестнадцать, она не станет больше вести себя по-детски.

Из-за спин стоящих впереди девушек Силка наблюдает за татуировщиком. Он заглядывает в глаза девушки, руку которой в тот момент держит, подносит к губам палец, как бы говоря: ш-ш-ш. И улыбается девушке. Когда девушка отходит, он опускает глаза в землю, потом вновь поднимает взгляд и смотрит, как она идет дальше. Потом берет руку следующей девушки и не видит, что предыдущая девушка оборачивается, чтобы взглянуть на него.

Четыре. Три. Два. Один. Теперь очередь Силки. Она бросает быстрый ободряющий взгляд на Магду, потом делает шаг вперед. Силка стоит перед татуировщиком, прижимая левую руку к боку. Он осторожно приподнимает ее руку. Удивляясь самой себе, она не сопротивляется – почти интуитивно, – и он заглядывает ей в глаза, выражающие гнев и отвращение в ожидании очередного надругательства.

– Мне жаль, так жаль, – ласково шепчет он. – Пожалуйста, дай мне руку.

Проходит несколько мгновений. Он не делает попыток прикоснуться к ней. Она поднимает руку и протягивает ему.

– Спасибо, – шепотом произносит он. – Я сделаю быстро.

Из ее руки капает кровь, хотя и не так много, как в прошлый раз.

– Поаккуратнее с моей сестрой, – шепчет Силка, потом отходит как можно медленнее, чтобы Магда успела догнать ее.

Силка с любопытством озирается по сторонам в поисках девушки, которая стояла перед ней. Потом оглядывается на татуировщика. Тот занят своей работой. Силка замечает, что девушка, стоявшая на пять номеров раньше ее, сейчас находится у блока 29. Она подходит к ней и другим девушкам, ожидающим, когда их впустят в так называемый дом. Силка рассматривает ту девушку. Даже несмотря на бритую голову и мешковатое платье, скрывающее фигуру, она красива. В ее больших темных глазах не заметно отчаяния, которое Силка видит у многих. Ей хочется познакомиться с этой девушкой, на которую пялился татуировщик. Вскоре, морщась от боли, к ней подходит Магда. Временно они оказались вне поля зрения охранников, и Силка сжимает руку сестры.

В тот вечер, когда девушки устраиваются на нарах и начинают осторожно выспрашивать друг друга: «Откуда ты родом?», Силка узнает, что ту девушку зовут Гита. Она родом из деревни в Словакии, недалеко от городка Бардеёв, где жили Силка и Магда. Гита знакомит Силку и Магду со своими подругами Даной и Иванкой.

На следующий день после переключки девушек отправляют в рабочую зону. Силку отводят в сторону и не посылают, как других, работать в «Канаде», где они сортируют одежду,

украшения и ценные вещи, привезенные в Освенцим заключенными, бóльшую часть из которых подготавливают для отправки в Германию. Вместо этого ей велено явиться к административному корпусу, где она будет работать.

Глава 3

Воркутинский лагерь, Сибирь

Окружающая температура падает. Это не происходит внезапно, – скорее, постепенное понижение по ночам, когда Силка и ее товарки жмутся друг к другу. Все они в летней одежде. Силка не знает, какой сейчас месяц, хотя догадывается, что август или сентябрь. И она не знает, куда они едут, хотя на каждой остановке конвой говорит по-русски.

Один день перетекает в другой. По теплушке расползаются болезни. Мучительный кашель высасывает из женщин остатки энергии. Разговоры звучат реже и становятся короче. На последних нескольких стоянках мужчины проникаются жалостью к живому грузу, раздеваются и стаскивают с себя кальсоны, отдавая их женщинам. Силка и Йося натянули на свои покрытые гусиной кожей ноги свободное исподнее, еще хранящее тепло, и робко поблагодарили конвоиров.

Проходит три дня после последней стоянки, и вот состав с лязгом останавливается, тяжелые двери раздвигаются. Перед ними лежит обширная пустынная местность – голая земля и кое-где желто-зеленая трава.

На этот раз их встречает не один-два конвойных. Вдоль состава стоят десятки мужчин в форме, с винтовками на изготовку.

– На выход! – рявкают они. – Выходите!

Пока женщины пытаются встать, причем многие падают, не в силах удержаться на ногах, крики продолжаются.

Впервые за несколько недель Силка и Йося вместе с другими выходят наружу. Они поддерживают двух пожилых женщин, которые идут с трудом. Женщинам не надо говорить, что делать дальше. Они встают в цепочку, одна за другой. В отдалении на широкой плоской равнине виднеются какие-то грубые строения. Очередной лагерь, думает Силка, окруженный пустотой. Однако небо здесь иное – невероятно высокое, серо-голубое. Женщины с трудом тащатся в сторону отдаленных строений. Силка пытается сосчитать число вагонов, которые извергают из себя мужчин, женщин и детей, людей разных возрастов, в разном состоянии здоровья и уныния. Некоторые ехали в этом поезде с самого начала, других подсаживали на стоянках долгого пути.

Для Силки время останавливается, когда она вспоминает построение перед маршем в *другом месте*. Та цепочка вела к существованию с неизвестной конечной датой. На этот раз конечная дата известна, если только Силка доживет до нее. Пятнадцать лет. Станет ли каторга более терпимой, если знаешь срок окончания? Стоит ли верить в конечную дату?

Вскоре Силка оказывается перед крупной женщиной, одетой в плотную форму цвета хаки. Одежда Силки слишком легкая для этого климата. Вероятно, они уехали далеко на север. Девушка едва чувствует руки и ноги.

– Имя, фамилия? – рявкает женщина, просматривая лист бумаги на планшете.

– Сесилия Кляйн.

Ее имя отмечают галочкой, и Силка заходит, стоя в очереди, в большой бетонный бункер. Она сразу же смотрит на потолок, пытаясь разглядеть зловещие признаки душа. Будет это вода или газ? Не заметив ничего угрожающего, она испытывает такое облегчение, что хватается за Йосю, чтобы не упасть.

– С тобой все в порядке? – спрашивает Йося.

– Да-да, все хорошо. Я подумала, может быть, нас отведут в душ.

– Мне бы хотелось в душ. Вот что нам надо.

Силка выдавливает из себя улыбку. Ей кажется, нет никакого смысла объяснять свои страхи. Замечая смущение на некоторых лицах, она вдруг понимает, что кое-кто уже прошел через нечто подобное. Только выжившие в *другом месте* или побывавшие в иных лагерях знают то, что может быть для них припасено.

Помещение заполняется народом, и входят несколько мужчин-конвойных.

– Раздевайтесь! Сейчас же!

Женщины непонимающе оглядываются по сторонам. Эти слова шепотом передаются друг другу на разных языках, и некоторые женщины начинают раздеваться.

Силка шепотом говорит Йосе:

– Тебе придется раздеться.

– Нет, Силка, не могу, здесь же мужчины.

Похоже, Йосе в тюрьме брили только голову и не делали всю процедуру. Силка знает, что им сбреют все волосы на теле.

– Послушай. Придется делать, что говорят.

Силка начинает расстегивать пуговицы на платье Йоси, и та в смущении отталкивает ее руку, поглядывая на других раздевающихся женщин. Голые женщины прикрывают руками лобок и груди. Йосе начинает медленно раздеваться.

– Поторопись, – говорит Силка. – Просто оставь здесь одежду.

Силка бросает взгляд на мужчин, стоящих перед дверями и выкрикивающих приказания. Ее тошнит от их ухмылок. Она опускает глаза на грудку одежды у своих ног. Она знает, что больше ее не увидит.

Мужчины перед дверями расступаются, давая пройти четверем охранникам, каждый из которых втаскивает длинный шланг. Сильная струя ледяной воды сбивает женщин с ног, бросает друг на друга, и они с криками и визгом падают на пол, сцепившись в единый клубок. Сильно пахнет хлоркой, и визг сменяется кашлем и удушьем.

Силка ударяется о потрескавшуюся плиточную стену и, соскальзывая на пол, расцарапывает себе руку. Она наблюдает, как конвойные с садизмом целятся в пожилых слабых женщин, пытающихся устоять на ногах. Но, сопротивляясь, они все же падают. Силка сворачивается на полу калачиком и остается там, пока шланги не отключают и гогочущие конвойные не уходят.

* * *

Женщины поднимаются с пола и плетутся к двери. Некоторые хватают промокшую одежду, пытаясь прикрыться. На выходе им раздают тонкие серые полотенца, которыми они обертываются. Идя босиком по твердой холодной земле, женщины подходят к ближайшему бетонному зданию, такому же, как то, из которого они вышли.

Заметив впереди Йосю, Силка спешит догнать ее.

– Теперь нам выдадут новую одежду? – спрашивает Йосе.

Силка смотрит на вытянутое несчастное лицо Йоси. Впереди их ждут вещи похуже, думает она. Может быть, хоть на минуту ей удастся подбодрить подругу.

– Надеюсь, поскольку серый не мой цвет, – говорит Силка и радуется, когда Йосе хихикает.

Женщин грубо выстраивают в четыре шеренги. Те, кто ожидает своей очереди, чтобы войти, слышат доносящиеся изнутри вопли протеста. Несколько испуганных этим женщин выбегают из шеренги. Они становятся мишенями для конвойных. Никто не убит, и женщины бегом возвращаются в шеренги. Предмет для развлечения.

Силка чувствует, как рядом с ней дрожит Йосе.

Вместе с Йосей она входит в помещение и видит, что происходит там с женщинами. Четверо мужчин стоят позади четырех стульев, а рядом с ними несколько плотных крупных женщин, одетых в форму цвета хаки.

Она видит, как стоящая перед ней женщина подходит к стулу, и ее заставляют сесть. Волосы женщины грубо собираются в пучок и быстро отрезаются большими ножницами. Не моргнув глазом, мужчина меняет ножницы на бритву и начинает скоблить голову женщины. По ее лицу и шее стекают струйки крови. Одну из женщин рывком поднимают на ноги, поворачивают и ставят одной ногой на стул. Йося и Силка в ужасе смотрят, как этот мужчина, без тени эмоций, сбрасывает волосы у нее на лобке. Подняв голову, он дает понять, что закончил. Охранница выталкивает женщину прочь, сделав Йосе знак подойти.

Силка проворно переходит в соседнюю шеренгу, чтобы настала ее очередь бриться. По крайней мере, пока длится это унижение, она может быть рядом с Йосей, ведь она уже проходила через это раньше. Они вместе подходят к стульям. Садятся без команды. Силка по мере возможности смотрит на Йосю, пытаясь утешить ее без слов. При виде слез, невольно струящихся по щекам Йоси, у Силки заходится сердце. Она понимает, что Йося впервые подверглась столь бесчеловечному обращению.

После бритья головы Йося не спешит подняться, и охранница бьет ее по лицу тыльной стороной ладони. Силка ставит свою ногу на стул, сверля взглядом мужчину перед собой. Тот отвечает на ее сердитый взгляд беззубой ухмылкой, и Силка понимает, что допустила оплошность.

Силка и Йося уходят, прикрывшись лишь серыми полотенцами. По внутренней стороне бедра Силки стекает кровь – наказание за дерзость. У Йоси начинается рвота. Она извергает из себя лишь желчь и водянистую жидкость.

Они идут по длинному коридору вслед за другими женщинами.

– Что дальше? – рыдает Йося.

– Не знаю. Что бы ни было, не спорь, не сопротивляйся. Старайся быть невидимой и делать то, что тебе говорят.

– Это твой совет? Принять, что бы это ни было, принять? – Она повышает голос, гнев приходит на смену стыду.

– Йося, я прошла через это, доверься мне, – со вздохом говорит Силка.

Но в то же время ее радует отвага Йоси и попытка сопротивляться. В подобном месте ей это пригодится.

– Это имеет отношение к цифрам у тебя на руке? – спрашивает Йося.

Силка смотрит на свою левую руку, которой она придерживает полотенце. Татуировка открыта всем взорам.

– Да, но никогда больше не спрашивай меня об этом.

– Хорошо, – говорит Йося. – Я тебе верю. По крайней мере, никто впереди нас не кричит, значит не может быть совсем плохо, да?

– Будем надеяться, дадут что-нибудь теплое из одежды. Я ооченела. Не чувствую ног. – Силка пытается говорить легким тоном.

Подойдя к помещению в конце коридора, они видят кипы лежащих у входа серых полотенец. И снова у двери стоят охранницы с непроницаемыми лицами. Из комнаты доносятся мужские голоса.

– Ты моя, – слышит Силка обращение конвойного к одной женщине, стоящей в очереди как раз перед ними.

За ней идет пожилая женщина. Подходит очередь Силки и Йоси.

– Шевелись, старая кошелка! – орет охранник на женщину.

У Силки сильно бьется сердце. Что происходит?

– Эй, Борис, чего ты ждешь?

– Я пойму, когда увижу ее.

Женщина, стоящая перед Силкой, поворачивается к молодым девушкам с выражением жалости на лице и шепчет:

– Эти ублюдки выбирают себе тех, с кем хотят трахаться. – Она оглядывает Силку и Йосою с головы до ног. – У вас не будет проблем.

– Что значит – нас выбирают? – спрашивает Йося.

Силка сокрушенно качает головой. Неужели это случится снова?

Повернувшись к Йосе, она смотрит ей в глаза:

– Послушай, Йося, если тебя выберет один из мужчин, иди с ним.

– Зачем? Что ему нужно?

– Ему нужно твоё тело.

Она надеется, что сумеет позже объяснить Йосе, что он может завладеть только её телом, но не её рассудком, сердцем и душой.

– Нет-нет! Я ни разу не была с парнем. Силка, пожалуйста, не уговаривай меня. Я скорее умру.

– Нет, не умрешь. Ты должна жить. Мы должны жить. Ты меня слышишь? Понимаешь?

– Нет, не понимаю. Я ничего такого не сделала, я не должна быть здесь.

– Я уверена, большинство из нас не должны быть здесь, но все же мы здесь. Если тебя выберут и ты будешь принадлежать одному мужчине, то другие оставят тебя в покое. Теперь ты меня понимаешь?

У Йоси смущенное напряженное лицо.

– Да-да... наверное. О-о, Силка, это с тобой уже случалось, да?

– Подними голову, не показывай страха.

– Минуту назад ты советовала мне стать невидимкой.

– Это было тогда, а теперь другое. Все может быстро измениться.

Силка поднимает глаза на мужчин.

Административный корпус Биркенау,

1942 год

Силка сидит рядом с Гитой, обе старательно работают, время от времени встречаясь взглядами, чуть улыбаясь друг другу. При отборе Силку направили на эту работу, а не в «Канаду». И она рада, что Гита тоже сейчас здесь работает. Но она надеется, что как-то сумеет перетащить и Магду в тепло. У Гиты коротко стриженные волосы, а вот Силке почему-то разрешили не стричь волосы. Они закрывают ей шею и уши.

Она не замечает, как к ним подходят два эсэсовца, без предупреждения хватают ее за плечо и рывком поднимают со стула. Пока ее уводят прочь, она с мольбой оглядывается на Гиту. Каждый раз, когда их разлучают, может оказаться последним. Она видит, как к Гите подходит женщина в форме и бьет девушку по голове.

Силку выводят наружу и ведут к женскому лагерю, но она пытается сопротивляться. В лагере тихо. Все женщины на работе. Они минуют женские бараки и подходят к такому же строению, но окруженному кирпичной стеной. Силка чувствует, как к горлу подступает тошнота. Она слышала, что здесь убивают женщин.

– Нет... пожалуйста... – просит она. – Что происходит?

На грунтовой дороге у здания стоит сверкающий автомобиль. Конвойные открывают ворота и входят во внутренний двор. Один из них стучит в дверь левого здания. Когда дверь открывается, ее толкают внутрь и захлопывают за ней дверь. Силка распростерта на зем-

ляном полу, а перед ней между рядами пустых деревянных нар стоит человек, которого она помнит по процедуре отбора, старший офицер Шварцхубер.

Это внушительный мужчина, который редко появляется в лагере. Он постукивает стеклом по высокому голенищу кожаного сапога. С невозмутимым видом он уставился в пространство над головой Силки. Силка пятится к двери, хватается за ручку. В тот же миг стек рассекает воздух и ударяет Силку по руке. Она вскрикивает от боли и сползает на пол.

Шварцхубер подходит к ней и поднимает стек. У него раздуваются ноздри, он тяжело дышит и в упор смотрит на нее.

– Это будет твой новый дом, – говорит он. – Встань! – (Она поднимается на ноги.) – Иди за мной.

Он приводит ее за перегородку, где расположена маленькая комната с отдельной койкой из дранки и матрасом на ней.

– Ты ведь знаешь, что в каждом блоке есть старший? – спрашивает он.

– Да, – отвечает она.

– Ну вот, ты будешь старшей в блоке двадцать пять.

У Силки перехватывает дыхание, у нее нет слов. Как может она – как может кто угодно – быть старшим этого блока? Ведь в нем женщины проводят последние часы перед отправкой в газовую камеру. Увидит ли она еще Магду, Гиту? Это самый страшный момент ее жизни.

– Тебе очень повезло, – говорит Шварцхубер.

Сняв фуражку, он швыряет ее через комнату. Другой рукой продолжает постукивать по ноге стеклом. Силка вздрагивает от каждого удара, ожидая, что ее побьют. Стеком он приподнимает на ней рубашку. Ох, думает Силка. Вот в чем дело. Трясущимися руками она расстегивает две верхние пуговицы. Затем Шварцхубер засовывает стек ей под подбородок и заставляет подняться. Взгляд у него застывший. Душа у этого человека уже умерла, осталось лишь тело с его грубыми запросами.

Он вытягивает вперед обе руки, и она понимает этот жест как приказ «раздень меня». Она делает шаг вперед и принимается расстегивать многочисленные пуговицы на его френче. Ударом стека по спине он потирает ее. Шварцхуберу приходится выпустить из рук стек, чтобы она сняла с него френч. Взяв у нее френч, он швыряет его вслед за фуражкой. Потом снимает исподнюю рубашку. Силка принимается расстегивать его ремень и пуговицы. Опустившись на колени, она по очереди стаскивает с него сапоги.

Стаскивая второй сапог, Силка теряет равновесие и тяжело валится на койку, к которой он ее подтолкнул. Затем он садится на нее верхом. Силка в ужасе пытается прикрыться, когда он распахивает на ней рубашку. Ощущая на своем лице тыльную сторону его ладони, она закрывает глаза и подчиняется неизбежному.

* * *

– Они блатные, – шепчет охранница с зажатой в зубах папиросой.

Ее голос возвращает Силку к реальности.

– Что?

– Мужики, которым вас будут показывать. Они блатные, старшие среди заключенных, имеющие в лагере более высокое положение.

– А-а, не солдаты?

– Нет, эки вроде вас, пробывшие здесь уже долго и выполняющие квалифицированную работу вместе с начальством. Но они из криминальной среды. У них собственная управляющая структура.

Силка понимает. Иерархия между старым и новым.

Она входит в помещение, Йося за ней. Обе нагие и дрожащие. Силка замирает перед двумя рядами мужчин, между которыми ей надо пройти. На нее смотрят десятки глаз.

Первый с края мужчина в шеренге справа от нее делает шаг вперед, и она встречается с ним взглядом, дерзко разглядывая его и решив, что он главный. Не намного выше ее, коренастый, явно не голодающий. Она прикидывает, что ему около тридцати. Она рассматривает его лицо, не обращая внимания на язык его тела. Его выдает лицо. Грустные глаза. Почему-то она его не боится.

– Наконец-то! – кричит кто-то из мужчин.

– Чертовски вовремя, Борис!

Борис протягивает руку Силке. Она не берет руку, но подходит ближе к нему. Обернувшись, жестом подбадривает Йосю.

– Иди сюда, малышка, – произносит другой мужчина.

Силка смотрит на мужчину, пожирающего глазами Йосю. Грубый верзила и с горбом. Он то и дело высовывает язык, приоткрывая потемневшие сломанные зубы. В нем чувствуется больше дикой энергии, чем в Борисе.

Йосю выбрали.

Силка смотрит на человека, которого называли Борисом.

– Как тебя зовут? – спрашивает он.

– Силка.

– Пойди возьми себе одежду. Я найду тебя, когда понадобишься.

Силка идет дальше вдоль шеренги мужчин. Все улыбаются ей, некоторые отпускают замечания по поводу ее кожи, ее тела. Она догоняет Йосю, и они вновь оказываются на улице, а потом их отводят в другой бетонный бункер.

Наконец им раздают одежду. Рубашка, у которой недостает пуговиц, штаны из ужасно грубой ткани, толстый ватник и шапка. Все серого цвета. Сапоги до колена, на несколько размеров больше. Это хорошо, поскольку для защиты от холода можно замотать ступни всяким тряпьем.

Одевшись, они выходят из бункера. Силка прикрывает глаза от яркого солнечного света. Она рассматривает лагерь, напоминающий небольшой город. Есть бараки для ночного сна, но они не стоят ровными рядами, как это было в Биркенау. Они отличаются размерами и формой. За ограждением она видит небольшой холм с возвышающейся над ним конструкцией, похожей на кран. По периметру ограждения там и сям стоят сторожевые вышки, но совсем не такие угрожающие, какие были в том лагере. Силка внимательно рассматривает верх забора и не обнаруживает изоляторов, которые указывали бы на то, что он под током. Разглядывая поверх забора пустынную бесплодную местность, простирающуюся до самого горизонта, она понимает, что забор под током не нужен. Там выжить невозможно.

Пока они тащатся в сторону зданий, где им предстоит жить, даже не зная, кто их ведет, к ним бочком пристраивается какая-то женщина с широким обветренным лицом. Солнце как будто светит, но пронизывающий ветер обжигает открытые участки тела. Их завезли так далеко на север, что, хотя сейчас конец лета, на земле лежит снег. На женщине несколько слоев теплой одежды, крепкие сапоги, а шапка плотно завязана под подбородком. Она искоса посматривает на Силку и Йосю:

– Ну не везунчики ли вы! Я слышала, обзавелись мужиками для защиты.

Силка опускает голову, не желая поддерживать с ней разговор, и не замечает выставленную перед ней ногу. Споткнувшись, она падает плашмя, не успев вытащить руки из карманов.

Йося наклоняется, чтобы помочь ей подняться, но ее толкают в спину, и она тоже падает. Девушки лежат рядом на сырой, промерзшей земле.

– Вам с вашими мордашками все равно за мной не угнаться. А теперь пошевеливайтесь!

Силка поднимается первой. Йося продолжает лежать на земле, но в конце концов, уцепившись за руку Силки, встает.

Силка отваживается осмотреться по сторонам. Невозможно разглядеть знакомых из их вагона среди сотен женщин, одинаково одетых, с бритыми головами и лицами, спрятанными в поднятые воротники ватников.

Они входят в барак, и их пересчитывает эта грубая женщина. Силка думала, что она охранница, но она не в форме, к тому же Силка замечает номер, нашитый на ее ватник и шапку. Наверное, что-то вроде старшей по бараку, думает Силка.

В помещении вдоль одной стены стоят топчаны, посередине чуть теплая печь. Женщины, вошедшие первыми, подбегают к печке, толкаясь и протягивая к ней руки.

– Я ваш бригадир, и вы у меня в подчинении, – говорит старшая. – Меня зовут Антонина Карповна. Ан-то-ни-на Кар-пов-на, – указывая на себя, медленно повторяет она, чтобы все ее поняли. – Повезло вам, зэчки. Надеюсь, вы понимаете, что у вас один из лучших барачных в лагере.

Силка думает, что она, пожалуй, права. Никаких нар. Настоящие матрасы. У каждой одеяло.

– Оставлю вас на время, пока вы устраиваетесь, – говорит старшая с кривой ухмылкой и выходит из барака.

– Что такое зэчка? – шепотом спрашивает Йося.

– Не знаю, но вряд ли это хорошее слово. – Силка пожимает плечами. – Наверное, означает «заключенный» или что-то в этом роде.

Силка оглядывается по сторонам. Ни один из топчанов пока не занят. Женщины сгрудились у печки. Схватив Йосю за руку, Силка тащит ее к дальнему концу барака.

– Давай сначала выберем себе топчаны. Садись на этом. – Силка занимает крайний топчан, подталкивая Йосю к соседнему.

Обе они изучают то, на чем сидят. Тонкое серое одеяло поверх желтоватой простыни, постеленной на матрас, набитый опилками.

Их поспешность в выборе места для сна не остается незамеченной другими женщинами. Расталкивая друг друга, они устремляются к топчанам, на которых будут спать этой ночью и столько еще ночей, сколько уготовано каждой.

Становится очевидным, что топчанов хватит на всех. Женщины снимают шапки и кладут в изголовье, туда, где должна лежать подушка, если таковая найдется.

Силка бросает взгляд на место за их топчанами.

На нее смотрят два пустых ведра. Уборная. Она вздыхает. Сколько бы она ни прожила в этом бараке, эти ведра будут напоминать о ее стремлении завладеть лучшими, по ее мнению, местами для сна. Она думала, что получит немного личного пространства: стена с одной стороны и Йося с другой. Хорошее положение, комфорт всегда таит в себе подвох. Ей следовало бы об этом знать.

Устроив себе место, Силка подталкивает Йосю локтем, и они подходят к печке погреть руки. Силка чувствует, что она уже успела нажить себе врагов.

Крупная, грубая с виду женщина неопределенного возраста вдруг пихает Йосю в спину. Девушка падает вперед, ударившись лицом о твердый деревянный пол. Нос у нее разбит в кровь.

Силка помогает Йосе встать и краем рубашки девушки зажимает ей нос, останавливая кровь.

– Зачем ты это сделала? – спрашивает чей-то голос.

– Поберегись, сука, а не то получишь! – Драчливая баба замахивается на спросившую девушку.

Женщины наблюдают за перепалкой.

Силка хочет защитить Йосю, но ей еще нужно разобраться, как здесь все устроено, и что это за женщины, и получится ли поладить с ними.

– Все нормально, – произносит Йося, обращаясь к защитившей ее молодой худощавой женщине со светлой кожей и голубыми глазами. – Спасибо.

– Ты в порядке? – спрашивает молодая женщина по-польски с русским акцентом; она то и дело притрагивается к своей бритой голове.

– Все будет хорошо, – отвечает за нее Силка.

Девушка с тревогой разглядывает лицо Йоси:

– Меня зовут Наталья.

Йося и Силка тоже представляются.

– Ты русская? – спрашивает Йося.

– Да, но моя семья жила в Польше. Несколько десятилетий. А теперь это посчитали преступлением. – Она на миг опускает голову. – А ты?

Лицо Йоси сморщивается.

– Они хотели знать, где мои братья. И не поверили, когда я сказала, что не знаю.

Силка пытается успокоить Йосю.

– Мне жаль, – произносит Наталья. – Наверное, не стоит сейчас об этом говорить.

– И вообще никогда, – лежа на постели и отвернувшись от всех, заявляет драчуня. – Это все вариации на одну и ту же душещипательную тему. Совершили мы что-то или нет, нас заклемили как врагов государства и пригнали сюда, чтобы исправить с помощью труда.

Она так и не поворачивается к ним. Вздыхает.

В печке потрескивает огонь.

– А что теперь? – спрашивает кто-то.

Никто не готов предложить ответ. Некоторые женщины устраиваются на постелях и предаются своим мыслям.

Силка берет Йосю за руку и подводит к топчану. Отвернув одеяло, она заставляет девушку снять сапоги и лечь. Кровь из носа у той больше не идет. Силка возвращается к печке. Наталья осторожно кладет уголь из ведра в огненно-красное жерло печки, придерживая дверцу краем своего ватника.

Силка смотрит на груды угля.

– На ночь не хватит, – говорит она то ли себе, то ли Наталье.

– Я попрошу еще, – шепчет Наталья.

У нее розовые щеки, изящные руки и ноги, но на вид она сильная. По выражению ее глаз Силка понимает, что эта женщина настроена оптимистически, но знает, что такой настрой может очень быстро пропасть.

– Лучше просто подождать и посмотреть, что они сделают. Ничего не проси, чтобы не нарваться на тумаки.

– Они наверняка не дадут нам замерзнуть, – упревает руки в бока, громко говорит Наталья, и несколько женщин, приподнявшись на постелях, прислушиваются к их разговору.

Улучив момент, Силка разглядывает повернутые к ним лица. Она может точно угадать возраст каждой. Похоже, они с Йосей одни из самых молодых. Она вспоминает собственные слова, сказанные совсем недавно: «Не высовывайся, постарайся быть невидимой».

– Ну и?... – раздается из передней части барака голос драчуни.

Взгляды всех устремляются на Силку.

– Я знаю не больше вашего, просто предполагаю. Но я считаю, стоит спокойно отнестись к тому, что мы сегодня больше не получим угля.

– Разумно, – откликается женщина, а потом снова ложится и отворачивается.

Силка медленно возвращается в конец барака к своему топчану. Небольшое понижение температуры от центра помещения к краю заставляет Силку снова пожалеть о том, что она

предпочла личное пространство теплу. Прежде чем лечь, она смотрит на Йосю, которая уже спит.

Солнце все продолжает светить. Силка не имеет представления, который сейчас час. Она смотрит, как Наталья подходит к остывающей печке и бросает пригоршню угля в топку. Забавно, как люди выбирают себе роли.

В какой-то момент, пока по-прежнему светло или опять светло, Силка засыпает.

Она резко просыпается от громкого металлического лязга, доносящегося снаружи. Дверь барака открывается, и входит бригадирша Антонина Карповна.

– Вставайте и выходите на улицу, зэчки.

Она крутит головой, не вынимая рук из карманов ватника.

Силке известен распорядок. Надо вставать, но она не двигается, надеясь, что первыми выйдут женщины из передней части барака. Она знает, что самое безопасное место – где-то посередине. Она помогает подняться на ноги совершенно сонной Йосе и застилает топчаны одеялами.

Продвигаясь вперед, она ведет за собой Йосю, и они выходят из барака.

Они видят других людей, выходящих из бараков.

Где они были, когда привезли нас? Женщины из барака Силки стоят, сбившись в кучу, но, увидев шагающие рядом стройные ряды женщин, выстраиваются в колонну по двое.

Потом вслед за бригадиршей они шлепают по густой грязи к большому зданию. Грубая ткань новой одежды натирает Силке кожу. Комары жалят ее в неприкрытую шею.

Она замечает на себе взгляды, как печальные, так и угрожающие. Она их понимает. Еще один барак с заключенными, больше голодных ртов, больше претендентов на лучшую работу. Именно для вновь прибывших наступает трудное время адаптации и нахождения своего места в сложившемся порядке подчинения, а потом они перестанут быть новенькими. Она стала старожилком *другого места*. Она и другие выжившие девушки из Словакии. Она видела все это. Им удалось выжить. Она раздумывает о том, сможет ли, особо не выделяясь, добиться для себя и Йоси более выгодного положения. Или, возможно, она оказалась здесь из-за подобных мыслей. Возможно, именно каторги она и заслуживает.

Они входят в грязное здание, наблюдая принятую церемонию построения, принимая то, что дают, и находя себе место на скамье. *Глаза не поднимать, не высовываться.*

Силке в руку суют оловянную кружку. Она косится на Йосю. У той распух нос, появляется синяк. Силка идет дальше, ей в кружку плюхают половник чего-то вроде супа с маленькими белыми кусочками непонятно чего, дают кусок черствого хлеба. Руки Йоси дрожат, и она проливает половину своей порции и роняет хлеб. Суп и хлеб оказываются на полу. Йося медленно наклоняется и поднимает хлеб. Силку одолевает ужасное желание наорать на нее. До чего же ценны эти скудные порции!

Мест за столами для всех не хватает. Многие женщины стоят у стен, дожидаясь, когда освободится место. Некоторые едят стоя, изголодавшись и не обращая внимания на манеры.

Одна женщина из барака Силки замечает свободное место и спешит занять его, но тут получает удар от женщины, сидящей слева от освободившегося места, кружка летит на пол, и ее содержимое выплескивается на пол и на сидящих рядом.

– Дождись своей очереди, новичок! Ты еще не заработала права сидеть рядом с нами.

Новеньким демонстрируют сложившийся порядок подчинения – смотрите и учитесь. Совсем как в Биркенау, с толпами вновь прибывших. Она, и Гита, и другие словацкие девушки выжили из тысяч, потеряв всех своих подруг и родных. А новые заключенные не понимали, не могли понять, что им пришлось вынести душой и телом, что они сделали для того, чтобы выжить.

– Ешь суп с хлебом или оставь хлеб на потом, – говорит Силка Йосе. – Иногда лучше припасти его, как мы делали в поезде, ведь мы не знаем, как часто и сколько нам будут давать есть.

Глядя на осунувшиеся лица некоторых женщин, Силка понимает, что еда не будет питательной и частой.

Девушки медленно прихлебывают коричневую похлебку. По крайней мере, она горячая, но совсем жидкая. Йосе замечает, что женщины за столами сидят с ложками, выуживая из супа что-то похожее на картофель или рыбу.

– Нам не дали ложки.

– Думаю, нам придется раздобыть их самостоятельно, – говорит Силка, разглядывая побитые ложки в руках у некоторых старожил, – при удобном случае.

Вскоре Силка и другие вновь прибывшие собираются вокруг своей бригадириши. Антонина Карповна строит женщин и ведет их обратно в барак.

Когда в помещение входит последняя женщина, Антонина наблюдает за тем, как они направляются к своим топчанам или к печке погреться.

– В будущем, когда я войду в помещение, вы немедленно должны встать в ногах своего топчана. Я понятно говорю?

Женщины вскакивают с постелей или бегут к ним, и все встают по стойке смирно в изножье.

– Вы должны стоять ко мне лицом. Я отдаю приказание только один раз и хочу видеть ваши глаза и знать, что вы все поняли. Кто понимает то, что я сейчас говорю?

Робко поднялось несколько рук, включая и руку Силки. Остальные, похоже, просто копировали то, что делали другие.

– Тогда пусть те, кто понимает, поскорее научат остальных.

Помолчав, она наблюдает за тем, как женщины поглядывают на стоящих рядом с ними, а некоторые передают друг другу сказанные слова в основном на славянских языках.

– Таковы правила, по которым вы будете здесь жить. Мы определили, когда и как вы будете работать, принимать пищу и сколько часов спать. Свет выключается в девять часов вечера, хотя летом вы не заметите наступления ночи. В ваши обязанности входит мытье пола в бараке, пополнение запаса угля на следующий день, уборка снега у входа в барак, починка необходимой одежды. Я не допущу, чтобы ваше жилище выглядело как свинарник. Я хочу, чтобы можно было есть прямо с пола. Вы меня слышите? Вас разбудит сигнал побудки, который не даст вам уснуть. Двое из вас выносят туалетные ведра. Меня не волнует кто, просто это должно быть сделано. А до тех пор никто не пойдет на завтрак. – (Женщины не говорят ни слова, только кивают.) – Если вы не сделаете что-нибудь из перечисленного, но особенно если не будете выполнять свою рабочую норму – подведете мою бригаду, – вас отправят в карцер. – Она фыркает. – Карцер – это одиночная камера в лагпункте. Это сырой, покрытый плесенью каменный мешок, где можно стоять, сидеть или лежать только скрючившись. Печки там нет, и через открытое зарешеченное окно внутрь попадает снег. Повезет, если вам дадут туалетное ведро, поскольку в полу там уже проделана дыра. Вы будете получать треть от нормального рациона и кусок черного черствого хлеба. Понятно?

Женщины снова кивают. По спине Силки бежит холодок.

Из мешка, перекинутого через плечо, Антонина достает лоскутки ткани, а из кармана – измятую бумажку.

– Я буду вызывать вас по фамилии, а вы подходите за своим номером. Я дам вам по два номера. Один пришьете на шапку, другой – на одежду. Вы не имеете права появляться на улице без номера, который должен быть на виду.

Женщин вызывают по фамилии и выдают по два лоскутка с номерами, грубо написанными краской.

Еще один номер. Силка бессознательно потирает левую руку. Под одеждой спрятано удостоверение ее личности из *другого места*. Сколько раз можно унижить, уничтожить одного человека? Когда выкликают ее имя, она берет лоскут, изучая свое новое удостоверение: *1-B494*. Йося показывает Силке свой номер: *1-B490*.

– Сегодня же вечером вы должны пришить номера. Хочу видеть их всех утром. – Она замолкает, пока одни переводят ее слова для других, замечает смущенные взгляды. – Ожидая увидеть интересное шитье, это многое о вас расскажет, – фыркает она.

Раздается смелый высокий голосок:

– А что у нас будет вместо иголки и нитки?

Бригадир достает из своего мешка маленький лоскут с воткнутыми в него двумя иглами. Похоже, эти иглы сделаны из проволоки и заострены на конце. Антонина передает иглы ближайшей женщине:

– Итак, займитесь этим. Я приду утром. Завтра вы идете на работу. Подъем в шесть часов.

– Простите, – говорит Наталья, – где можно взять уголь?

– Сами раздобудете.

Когда за ней закрывается дверь, женщины собираются вокруг печки. Силка рада, что никого не побили за их вопросы.

– Если мы выйдем на улицу, то сможем увидеть, где люди достают уголь, и тогда узнаем, куда идти, – предлагает Йося.

– Лучше отдохните, – советует драчуня Лена, ложась на топчан. – Это может быть наш последний выходной.

– Я пойду с тобой, – говорит Силка.

– Я тоже, – подхватывает Наталья. – Остальные начинайте шить.

– Да, начальник, – холодно произносит Лена.

Йося кладет оставшиеся несколько кусков угля у печки и берет пустое ведро.

Все трое с опаской выходят из барака и оглядываются по сторонам. Опускаются сумерки, и двор освещается прожекторами. Они видят заключенных, там и сям шныряющих между строениями. К соседнему барaku быстро направляется группа молодых женщин с ведрами, до краев наполненными углем.

– Сюда, – говорит Силка.

Наталья подходит к женщинам:

– Скажите, пожалуйста, где вы брали уголь?

– Сами найдете, – звучит в ответ.

Наталья закатывает глаза.

– Они пришли отсюда, – указывая на какое-то строение, говорит Йося. – Зайдем сзади и поглядим.

Они возвращаются в барак, по очереди неся тяжелое ведро. Наталья собирается поставить ведро на пол, но ручка выскальзывает из ее слабых рук, и уголь рассыпается по полу. Она с виноватым видом смотрит на подруг.

– Ничего, я уберу, – вызывается помочь Йося.

Две женщины проворно пришивают номера к шапкам и ватникам.

– Где вы взяли нитки? – опередив Силку, спрашивает Наталья.

– Вытащили из простыней, – запинаясь, говорит пожилая женщина на каком-то славянском языке, близком к словацкому, а потом повторяет на русском.

Возможно, она самая старая в их бараке. В ее отрывистых словах чувствуется прожитая в тяжелом труде жизнь. Ее зовут Ольгой.

Силка оглядывается по сторонам и видит, как другие женщины осторожно вытягивают нитки из края своих простыней.

– Поторопись! Ольга, что ты так долго возишься с иглой? – склонившись над пожилой женщиной, спрашивает Лена.

– Стараюсь сделать хорошо. Если сразу сделаешь хорошо, потом не придется переделывать.

– Отдай сейчас же иголку, глупая сука! Здесь не то место, чтобы хвастаться своими успехами в вышивании. – Лена в нетерпении протягивает руку.

– Я почти закончила, – спокойно отвечает Ольга.

Силка восхищается тем, как эта женщина обращается со вспыльчивой Леной, но понимает также причину раздражения Лены, когда все идет не так, как запланировано. Вероятно, это первый лагерь Лены. Ольга быстро заканчивает шитье, откусывает конец нити и передает иглу дальше:

– На, держи, tuk krava.

Силка глотает усмешку. Говоря сладким голосом, Ольга только что обозвала Лену толстой коровой на словаком. Женщина подмигивает Силке:

– Мой отец был словаком.

Нахмурившись, Лена хватается иголку.

Силка сидит на своей постели, глядя, как Йося безуспешно возится с лоскутками с номерами. Похоже, та в считанные минуты может переходить из жизнерадостного состояния в подавленное.

– Давай сюда, – говорит Силка, поскольку у Йоси такой несчастный вид. – Не все сразу. Ладно?

Йося кивает.

Силка принимается вытягивать нитки из своей простыни. Когда ей передают иголку, она быстро пришивает номера на свою одежду и одежду Йоси.

Каждый раз, протыкая ткань иглой, она ощущает боль от иглы, протыкающей ее левую руку. Другой номер. Другое место. Лицо ее искажается гримасой.

Потерять все. Выдержать то, что выдержала она, и быть за это наказанной. Неожиданно игла кажется ей тяжелой, как кирпич. Как она сможет продолжать? Как сможет работать на нового врага? Жить и видеть, как женщины вокруг нее страшно устают, голодают, угасают, умирают. Но она – она будет жить. Она не знает, почему всегда была в этом уверена, почему чувствует в себе силы жить дальше – снова браться за иглу, тяжелую, как кирпич, продолжать шить, продолжать делать то, что должна, – но эти силы в ней есть. Ею овладевает злость, гнев. А игла вновь кажется легкой. Легкой и проворной. Значит, вот этот жар помогает ей не сдаваться. Но он и ее проклятие. Он заставляет Силку выделяться, быть особенной. Ей следует скрывать его, контролировать, направлять.

Чтобы выжить.

Глава 4

Женщин, прибывших накануне в Воркутинский лагерь, в шесть часов утра будит устрашающий лязг молота по металлу. Антонина была права. Этот сигнал побудки проспать невозможно. Ночью женщины по очереди подбрасывали уголь в горящую печку. Хотя солнце даже ночью не уходит за горизонт, но, возвращаясь вечером со скудного ужина, они заметили на земле изморозь. Все они спали в одежде, выданной накануне.

Дверь открывается, и в барак врывается дуновение холодного ветра. Антонина Карповна держит дверь открытой, глядя, как женщины спешат к изножью топчанов и поворачивают головы к ней. Она одобритительно кивает.

Потом она идет по бараку, разглядывая только что пришитые номера на ватниках женщин. Остановившись около Лены, она рывкает:

– Переделай сегодня же! Никогда не видела такой халтуры. – Вернувшись к двери, она обращается к двум ближайшим девушкам: – Возьмите ведра, и я покажу вам, куда их вылить. Завтра пусть одна из вас возьмет с собой другую зэчку и покажет ей, куда идти, и так далее, понятно?

Девушки бегут в конец барака к туалетным ведрам, стоящим прямо напротив топчана Силки.

Пока Антонина с двумя девушками отсутствует, остальные женщины продолжают стоять, ни одна не решается отойти. Когда девушки возвращаются с бледными лицами, Антонина велит всем идти на завтрак и вернуться к семи часам на перекличку.

На улице две девушки, выносившие ведра, наклоняются и, пытаясь оттереть от рук вонь, принимают тереть руки о припорошенную снегом землю.

Если сейчас конец лета, думает Силка, шагая вместе с Йоси к столовой, а земля уже покрыта снегом и воздух просто ледяной, значит ни одна из них не будет готова к тому, что их ждет. Работа на воздухе будет невыносимой.

На завтрак дают густую безвкусную кашу. Йося не забывает припрятать в рукав драгоценный кусок хлеба. Как и накануне, за столами нет свободных мест. На этот раз новенькие знают, что делать, и прислоняются к стене.

Очевидно, что эту кашу невозможно прихлебывать через край. Женщины оглядываются по сторонам. Некоторые вместо ложки пользуются двумя пальцами. Пока сойдет и так.

* * *

Перекличка. Знакомая Силке вещь. Она лишь надеется, что для двадцати человек все пройдет быстро. И что никто не пропал ночью. Она вспоминает одну ночь, когда все стояли на холоде – всю ночь, – пока не нашли заключенную. Болели колени, лодыжки. И это была даже не худшая ночь в *другом месте*. Совсем не худшая. Антонина Карповна начинает выкликать фамилии. Фамилии. Я не номер. И все же у меня есть номер. Силка смотрит на свою левую руку и на номер, украшающий теперь ее потрепанный ватник. У меня есть имя. Когда ее вызывают, она громко отвечает:

– Есть.

Им велено построиться в колонну по пять человек.

Мимо них колоннами проходят группы женщин, все под началом бригадира. С другого конца лагеря выходят мужчины. Силка вместе с женщинами из ее барака вливаются в общий строй, шагающий к воротам. Еще по прибытии Силка заметила, что в лагерь ведут только

одни эти ворота. Лагерь огорожен простым забором с колючей проволокой. Группы мужчин и женщин плотным строем идут вперед.

Подойдя к воротам, люди замедляют шаг и останавливаются. Силка впервые наблюдает за ежедневным ритуалом выхода на работу. Когда подходит очередь Антонины, та показывает охраннику список имен, затем жестом подзывает к себе первую пятерку женщин. Охранник проходит вдоль шеренги, пересчитывает женщин, грубо досматривает их, потом подталкивает вперед, после чего проделявает то же самое с остальными. Он кивает Антонине, которая велит женщинам идти за остальными. Они бредут по железнодорожному пути, время от времени спотыкаясь о шпалы, но все же думая, что легче идти по шпалам, чем шлепать по вязкой грязи и расходовать энергию, которая им понадобится для работы.

Вдоль рядов женщин и мужчин взад-вперед ходят конвойные. Колонна направляется к большой шахте, очертания которой маячат впереди. Она похожа на черную гору с расщелиной, ведущей в ад. Рядом с небольшими ветхими строениями высятся груды угля. В верхней части проема шахты можно различить колесо, с помощью которого уголь поднимается из глубины шахты. Подойдя ближе, женщины замечают открытые вагонетки, движущиеся по рельсам.

У шахты передние ряды заключенных отделяются, направляясь на уже знакомые рабочие места. Антонина поручает новеньких конвойному, присоединяя к ним несколько женщин из других барачков, также входящих в их бригаду.

Прохаживаясь среди женщин, конвойный отводит некоторых в сторону, выделяя их в группу.

– Эй, Алексей, – зовет он, – иди заведи эту компанию. По виду они могут махать киркой.

Подходит другой конвойный, сделав знак, чтобы за ним шли пятнадцать женщин. Силка, Йося и Наталья остаются на месте. Конвойный оглядывает их:

– Как бы ни пыжились, чертову кирку вам не одолеть.

Он подводит их к грудке угля как раз в тот момент, когда из ковша машины наверх груды сыплется уголь, обдавая их пылью и мелкими острыми кусочками угля.

– Пусть каждая возьмет ведро, и начинайте заполнять его. Полное ведро несите к одной из вагонеток и сгружайте туда, – говорит конвойный, указывая на вагонетки, стоящие на рельсах.

Люди уже за работой, и снова им нужно копировать действия других.

Женщины берут ведра и начинают заполнять их кусками угля.

– Пошевеливайтесь, а не то наживете себе неприятности, – говорит одна женщина. – Смотрите на меня.

Эта женщина берет пустое ведро и, как совком, зачерпывает им уголь, наполнив ведро наполовину. Поставив его на землю, она руками наполняет ведро доверху. Женщины пытаются копировать ее, но с переменным успехом. Все они наполняют ведра, а потом пытаются приподнять. Ни у одной не получается – ведра слишком тяжелые.

– Отсыпьте часть и оставьте столько, сколько сможете унести. Со временем приспособитесь, – советуют им.

Силка и Йося в состоянии поднять лишь наполовину заполненные ведра, и это не проходит незамеченным конвойным, стоящим у вагонетки. Одно дело – нести ведро, другое – приподнять и опрокинуть его.

Надзирающий за ними конвойный смотрит на полупустые ведра:

– Ваша компашка останется без перерыва. Раз уж вы такие хилые сучки, так пошевеливайтесь-ка.

В отдельные моменты Силка видит, как Антонина, посоветовавшись с конвойными, записывает что-то в небольшой тетрадке. Видимо, оценивает производительность своей бригады.

* * *

Работа настолько изнурительная, что Силка, Йося и Наталья начинают стонать и тяжело дышать. Они с завистью наблюдают за другими женщинами, которым разрешено опустить орудия труда и отдохнуть десять минут. У Силки горят плечи, шея и спина. Несколько часов спустя вновь звучит колокол. Ведра, кирки и другие орудия брошены на землю. Мужчины и женщины бредут к железнодорожным путям, присоединяясь к своим бригадам. Это люди, с которыми они живут в одном бараке. Они останавливаются в ожидании своего бригадира, который дает сигнал идти.

Получив разрешение, они молча бредут по шпалам и останавливаются у ворот лагеря. Антонина Карповна вручает свой листок старшему охраннику, который пересчитывает женщин при входе. Они идут за Антониной в свой барак, шаркая ногами от усталости. В печке осталось несколько тлеющих углей. Наталья бросает в печку уголь. Силка поражается тому, что у этой женщины нашлись силы смотреть на уголь, а тем более поднять ведро с ним. Все они падают на свои постели и натягивают одеяла на головы. Никто не произносит ни слова.

То, что называется здесь ужином, никак не восстанавливает затраченную энергию. Вернувшись в барак, многие снова ложатся, но некоторые слоняются у печки.

– Куда ты смотришь?

Лежащая на постели Силка узнает голос. Лена.

– Ну уж не на твою противную физиономию, – слышит она ответ Натальи.

Силка приподнимается на локте посмотреть, куда заведет перебранка.

– Если не отвяжешься от моего лица, я тебя уничтожу, сука!

– Оставь меня в покое, хамка! Оставь всех нас в покое, – вставая с постели, огрызается дерзкая Наталья.

– Наталья, сядь. Она тебя не стоит, – вмешивается Ольга.

Лена что-то злобно шипит.

Силка от изнеможения почти ничего не чувствует. Но она понимает, чем вызван этот гнев. Когда из-за страха смерти гнев не может быть направлен на притеснителей, он находит другой объект. Силке интересно, сколько Лене лет и что с ней случилось. Может быть, дело в том, что с ней раньше ничего не происходило. В отличие от Силки, побывавшей в *другом месте*. Может быть, у Лены была и любовь, и еда, и комфорт, и одежда – все, что только можно пожелать. Когда все это неожиданно отнимают... Что ж, никто не знает, как отреагирует человек.

Она должна запретить себе вспоминать. Завтра... Завтра будет повторением сегодня, и следующий день, и следующая неделя, и для Силки следующие пятнадцать лет.

Ее охватывает отчаяние.

Освенцим-Биркенау, 1943 год

Завернувшись в теплое длинное пальто, Силка стоит на снегу рядом с блоком 25. Как она и опасалась, в этом блоке находятся женщины, коротающие на земле свои последние дни, часто настолько больные, что не могут двигаться, с потухшими глазами. Теперь это мир Силки, и она существует в нем для того, чтобы остаться в живых. К ней подходят одетые, как она, капо, за ними следом тащатся женщины, истощенные, бесплотные, как привидения, фигуры, многие поддерживают друг друга. Каждая капо говорит женщинам, что Силка – старшая в их блоке, им следует слушаться ее. Им велят ждать снаружи на холоде эсэсовца, который сделает перекличку.

Силка чувствует себя безжизненной, как снег. Она смотрит затуманенными глазами на костлявые согбенные тела, не испытывая никаких эмоций. Это началось, когда Шварцхубер привел ее в ту комнатуху в бараке 25 и стал регулярно ее навещать. Она обнаружила, что может превратиться просто в совокупность конечностей, костей, мышц и кожи. Она такого не выбирала. Просто так случилось. Это немного похоже на то, когда в детстве сильно расцарапаешь колено и, хотя видишь кровь, не сразу чувствуешь боль.

Силка стоит, ни слова не говоря, ожидая, когда ей скажут, что все женщины из блока 25 сегодня на месте. Завтра или, может быть, послезавтра, если нацисты решат, что у них есть дела поинтереснее, всех этих женщин отправят в газовую камеру – небольшой белый домик. И всех их убьют.

Подходит старший офицер СС, ведя за собой последнюю группу из десяти женщин. Он машет стеклом, время от времени ударяя ничего не подозревающих женщин. Сквозь застывший взгляд Силки что-то прорывается, и она спешит им навстречу.

– Шевелитесь, ленивые сучки! – выкрикивает она. – Все на месте, – говорит она эсэсовцу и, заметив, что он вот-вот опустит стек на голову ближайшей девушки, встает прямо перед ним, а потом толкает девушку, и та падает лицом в снег. – Вставай и догоняй своих! – кричит она.

Офицер наблюдает за этим, кивает Силке и уходит. Он не видит, как Силка наклоняется и, подхватив девушку под мышки, помогает ей встать на ноги.

– Быстрее догоняй своих, – более мягко произносит, но потом видит, что офицер обернулся, и кричит: – Заходите в барак! Я здесь стою на холоде, потому что вы такие неповоротливые и ленивые. Пошли, пошли! – Повернувшись к офицеру, она одаривает его широкой улыбкой.

Вслед за женщинами Силка входит в барак и закрывает за собой дверь.

Женщины кое-как разместились: кто сидит, кто лежит, хотя места очень мало. Иногда они выходят во двор, сбившись в кучу, словно животные. Они обращают к ней измученные лица с выражением ужаса и беспомощности. Ей хочется объяснить им, что, если она будет на них кричать, эсэсовцы не войдут.

Но слова застревают в горле.

Ей шестнадцать. Вероятно, самая молодая из находящихся в помещении. И она переживает их всех.

Она видит одну женщину с запекшейся раной на щеке. Чувства, обуревавшие ее минуту назад, исчезли. Она невозмутима и холодна, как снег, как стена. Женщины принимают причитания, плакать, колотить ладонями в стены, молиться и выкрикивать имена любимых потерянных существ. Силка отворачивается от них, идет в свою комнату в передней части барака и ложится.

* * *

Дни долгие и мучительно трудные. Силке приходится расходовать резервы физической выносливости, о которых она не подозревала. Силка и Йося испытывают разные способы распределения хлебного пайка на день для экономии своей энергии. По ночам женщины часто разговаривают о еде. Затрагивая темы семьи и дома, они говорят и об общем питании. Квашеная капуста и грибы, творог, сосиски, пироги, свежие фрукты. Силке приходится рыться в памяти, чтобы вспомнить хоть что-то, и она немного завидует женщинам, которые хорошо помнят эти вещи.

Не похоже, чтобы кто-нибудь из них был готов подробно рассказывать о своем аресте, о недавних событиях, о том, где сейчас их родные. Или, возможно, они пока не решились, могут ли доверять друг другу, хотя вслух и высказывают тревогу о своих пропавших родных. К примеру,

Маргарита, молодая русская женщина с круглым лицом и ямочками на щеках, вызывающая симпатию у Силки, без конца говорит о своем муже. Йося думает о братьях, а Ольга, хотя и знает, где ее дети, беспокоится, что не будет получать от них вестей, не узнает, все ли у них хорошо. Силка вспоминает обо всех, кого потеряла, но не в силах даже заговорить об этом.

Однажды вечером Ольга говорит Силке:

– Кляйн... это вполне распространенная еврейская фамилия, да?

– Думаю, да, – кивает Силка и встает. – Пойду принесу угля.

* * *

Как-то, после недели пребывания в лагере, женщины возвращаются с работы. Тут Лена заявляет, что завтра Наталья должна выносить туалетные ведра, второй день подряд. Идет первый сильный снег, и Лена, говоря это, плотнее кутается в ватник.

– Я вынесу, – предлагает Йося. – Моя очередь была давно.

– Я здесь за старшего, а потому буду говорить, что кому делать. – Лена встает.

– Нет, ты не старшая, – возражает Йося. – Никто не назначал тебя старшей. Мы делим обязанности среди всех.

Силка удивлена, что Лена не продолжает спор. Она лишь прищуривает глаза и откидывается назад.

Женщины сгрудились вокруг печки, наслаждаясь теплом, обволакивающим ноющие мышцы. Все ждут, когда раздастся резкий лязг металла, призывающий на ужин.

Вдруг кто-то сильно толкает Йосю в спину.

Она инстинктивно выбрасывает вперед руку, чтобы за что-то уцепиться, и попадает ладонью на дымоход. Ее вопль эхом разносится по барaku.

Йося отдергивает руку и начинает изо всех сил трясти ею. В голове Силки проносятся тысяча мыслей: образы больных и раненых женщин и то, что с ними бывает. Нет, только не Йося! Силка хватается девушку за плечи и, вытолкнув из барака, опускает ее обожженную руку в снег, местами покрывающий землю. Сначала Йося сдерживается, сжав зубы, но потом громко плачет.

– Тише! – произносит Силка немного резче, чем хотела.

Через несколько минут она вытаскивает руку из снега и рассматривает рану. Ладонь и четыре пальца правой руки Йоси сильно покраснели, не пострадал лишь большой палец.

Силка снова засовывает руку Йоси в снег и поворачивает к себе лицо девушки. Оно белое как снег.

– Побудь здесь, я сейчас вернусь.

Силка врывается в барак и, замерев, впицается взглядом в женщин, собравшихся у печки.

– Как она там?

Жалостливый вопрос остается без ответа.

– Кто это сделал? Кто ее толкнул?

В тот момент Силка успела заметить только, как кто-то вытолкнул Йосю из кучки женщин. Но у нее есть свои подозрения.

Большинство женщин отводят глаза, но Силка замечает взгляд Натальи, устремленный на преступницу.

Силка подходит к Лене, уютно устроившейся на своем топчане.

– Да я легко переломлю тебя пополам! – рычит Елена.

Силка понимает разницу между пустой угрозой, когда демонстрируют силу от беспомощности, и истинным намерением навредить другим.

– Многие страшнее тебя пытались меня сломать, – произносит Силка.

– А я боролась с мужиками в десять раз больше тебя, – парирует Лена.

Стоящие вокруг них женщины отходят назад, освобождая место для потасовки, которая, по их мнению, сейчас начнется.

– Вставай! – требует Силка, но Лена продолжает дерзко пялиться на нее; в Силке бушует пламя. – Еще раз повторяю: вставай!

Две женщины несколько мгновений смотрят друг на друга в упор, потом Лена встает, немного надув губы, как ребенок.

– Лена, сейчас я отверну твоё одеяло и, если на простыне нет вшей, оторву край. И ты не будешь пытаться мне помешать. Поняла?

Лена фыркает, но медленно кивает. Другие женщины подходят ближе и, поняв, что перевес на стороне Силки, встают за ее спиной.

Поглядывая на Лену, Силка отворачивает одеяло. Взяв простыню за низ, она разрывает край зубами, а потом отрывает полосу ткани.

– Спасибо, Лена. Можешь заправить постель. – Силка поворачивается к двери.

Там стоит Антонина Карповна, опершись рукой на дверной косяк и не давая Силке выйти.

– Похоже, у меня будут с тобой проблемы? – спрашивает она.

– Нет, – по-русски отвечает Силка.

Антонина убирает руку. Силка выходит во двор, где на снегу сидит Йося, дрожа от холода и боли. Солнце опускается за горизонт. Силка смахивает снег с обожженной руки, а потом забинтовывает ее лоскутом от простыни. Помогая Йосе подняться, она обнимает ее и ведет в барак. Непривычное для Силки чувство: быть так близко к кому-то. Последний человек, к которому она добровольно прикасалась, была Гита. Собравшиеся вокруг печки женщины расступаются, освобождая теплое место для девушек.

Звучит призыв на ужин. Йося отказывается встать с постели. Ее беспомощность вызывает у Силки досаду и гнев. Силка уже готова оставить подругу в бараке, но потом ей приходит на ум, что намного хуже будет, если Йося не поест, не восстановит силы.

– Йося, пойдем, – говорит она, помогая девушке встать.

В столовой Силка протягивает Йосе кружку с супом. Та берет кружку в левую руку. Когда ей швыряют кусок черствого хлеба, Йося не в состоянии взять его. Хлеб падает на пол.

Охранник наблюдает за Силкой, стоящей следующей в очереди, чтобы узнать, что она сделает. Если она поможет подруге, то ее могут наказать. Если не поможет, пострадает Йося. Йося наклоняется, крепко держа кружку и умоляющими глазами глядя на Силку. Не сводя глаз с подруги, Силка зажимает в зубах свой кусок хлеба – молчаливая подсказка. Йося осторожно ставит кружку на пол, поднимает кусок хлеба и зажимает его в зубах, а потом берет свою кружку и идет дальше.

Они находят место, где можно встать у стены, подальше от глаз охранника, и Силка вынимает изо рта Йоси кусок хлеба и помогает ей засунуть его в рукав ватника.

* * *

В бараке женщины, смягчившись, спрашивают Йосю про ее руку. Она храбро отвечает, что все будет хорошо. Силка довольна. Еда явно улучшила настроение Йоси.

Сидя на постели, Силка смотрит, как на оконном стекле снаружи тает снег и по стеклу, словно слезы, стекает вода. Она просит Йосю показать ей обожженную руку и осторожно разматывает самодельную повязку, последний слой которой пристал к воспаленной коже. Чтобы не закричать от боли, Йося прикрывает рот левой рукой.

– На вид стало лучше, – говорит Силка, пытаясь успокоить Йосю словами, в которые сама не верит.

Просто она знает, как важно не сдаваться.

Подходит Наталья, садится рядом с Силкой и рассматривает рану:

– Завтра спрошу Антонину, есть ли здесь больница или санчасть. Если есть, там смогут наложить подходящую мазь.

Силка знает: на любого, кто пытается отлынивать от работы, здесь посмотрят косо. Но если не вылечить Йосе руку, все может быть гораздо хуже.

– Спасибо, Наталья, – говорит Силка.

Все они ложатся на свои топчаны. Их окутывает ночь, но светает все-таки рано, и Силка резко просыпается с сильно бьющимся сердцем, но потом опять засыпает в этой звенящей тишине.

* * *

Утром приходит Антонина, которая выглядит усталой. Она без слов делает им знак потопиться. Наталья собирается поговорить с ней о Йосе, но Силка качает головой. Пока они идут, Силка шепчет:

– Пусть она сначала позавтракает, а не то пропустит все мимо ушей.

Силка чувствует настроение Антонины. Она научилась читать по лицам тюремщиков, конвойных – тех, кто облечен властью над другими.

Когда после переключки все идут в столовую, Наталья переглядывается с Силкой. Силка и Йося получили свою кашу, и обе припрятали хлеб в рукав. Лицо Антонины тоже немного порозовело. Силка кивает Наталье.

– Извините, Антонина Карповна, – начинает Наталья.

Силка слышит, как используют в русском имя и отчество.

Бригадирша поворачивается к Наталье.

– Наверное, вы заметили, когда зашли к нам вчера вечером, что Йося повредила правую руку. Есть ли здесь санчасть, куда она могла бы пойти?

– Как это случилось? – спрашивает Антонина.

Наталье, похоже, не хочется выдавать виновного. Несмотря на всю мерзость этого поступка, женщины не хотят, чтобы Лену посадили в карцер. Это может закончиться голоданием, болезнью, сумасшествием. Да, Силка злится на Лену, особенно за ее трусость, толчок в спину, но считает, что той надо дать еще один шанс.

Видимо, Йося тоже так считает.

– Я споткнулась около печки, – говорит Йося, – и выставила руку, чтобы не упасть.

Антонина жестом подзывает Йосю к себе.

Йося подходит к бригадирше, вытянув вперед забинтованную руку.

– Откуда мне знать, что ты просто не пытаешься отлынивать от работы?

Йося понимает ее. Она начинает разматывать бинт и, дойдя до последнего слоя, обнажающего воспаленную руку, не может удержаться от слез – так ей больно.

Силка делает шаг вперед, поближе к Йосе, чтобы показать той, что она рядом, и успокоить ее. Антонина внимательно присматривается к девушкам.

– Не так-то много вам достается, эчки, а? – Она смотрит на Силку. – Отведи ее в барак. Скоро я вернусь.

Силка напугана. Встревожена. Но она делает то, что ей велено. Они спешат обратно в барак, и Силка бросает взгляд на остальных женщин, бредущих на работу. Идет сильный снег, окутывая их, и они исчезают из виду. Что же она наделала?

Накинув одеяла на дрожащие тела, Силка и Йося жмутся к печке. Силка отчаянно надеется, что они акклиматизируются. Это ведь пока даже не зима. Их раздумья прерывает ледяной порыв ветра. В дверном проеме стоит Антонина.

Силка подталкивает Йосю, и они быстро подходят к двери и идут вслед за Антониной. Однако Силка не забывает плотно затворить за собой дверь.

Девушка часто видит Антонину с другой бригадиршей, с которой они живут в одном бараке, и Силка предполагает, что обе они отвечают за женщин-заключенных. Или, возможно, другая женщина – помощница Антонины. Так или иначе, вероятно, помощница следит за бригадой на объекте, а Антонина взяла на себя эту текущую обязанность.

Хотя путь до больницы недолгий, но из-за снежной бури они идут медленно, мучительно, увязая в снегу. Силка пытается оценить масштабы лагеря, подсчитывая количество барачных корпусов, сходных с их жильем. Другие здания побольше стоят немного в стороне. Это, должно быть, административные корпуса или склады, но ничто не указывает на их назначение. Здание санчасти, на которое показывает Антонина, также не имеет никаких отличительных знаков.

У входа стоит охранник. Антонина, у которой лицо замотано шарфом, вынуждена снять шарф и кричать ему прямо в лицо. Силка недоумевает: что мог совершить этот человек, чтобы его так наказали? Положение у него не лучше, чем у заключенного, хотя, вероятно, у него и жилье получше, и еды он получает больше. С явной неохотой охранник открывает дверь и бесцеремонно заталкивает женщин внутрь. Очевидно, ему дана инструкция не дать снегу залететь в помещение.

Девушек сразу обволакивает тепло, и они разматывают шарфы. Йося управляется одной здоровой рукой.

– Ждите здесь, – говорит Антонина.

Они стоят в дверном проеме, оглядывая помещение, в которое только что вошли.

Это что-то вроде приемной. Заключенные – мужчины и женщины – сидят на нескольких стульях, но большинство, скорчившись, сидят на полу со страдальческим выражением на лицах. Некоторые лежат, свернувшись калачиком. Непонятно, то ли спят, то ли в беспомощности, то ли умерли. Кое-кто тихо постанывает. Эти удручающие звуки хорошо знакомы Силке. Она отворачивается от них и поднимает глаза на портрет Сталина, висящий на стене.

Антонина разговаривает с внушительного вида женщиной, сидящей за стойкой в передней части помещения, потом, кивнув головой, поворачивается к Силке и Йосе:

– Когда вызовут, у тебя номер пятьсот девять. – Она медленно повторяет номер по-русски.

Не говоря больше ни слова, Антонина подходит к двери и открывает ее. За дверью – пелена свежего снега, который попадает в коридор и быстро тает, образуя на полу лужицу.

Силка берет Йосю за руку и ведет ее к небольшому свободному пространству у стены, где они могут сесть. Едва они соскальзывают на пол, как Силка замечает на себе испуганные взгляды, оценивающие новичков. Неужели здесь тоже существует иерархия? Силка выдерживает взгляды этих людей. Они первыми отводят глаза.

* * *

Силка слышит их номер, сопровождаемый криком.

Она очнулась от дремоты.

– Зову в последний раз! – кричит внушительная женщина.

Страхивая с себя сон, Силка видит, что Йося спит, положив голову на ее вытянутые ноги.

– Сейчас! Мы идем! – как можно громче произносит Силка, встряхивает Йосю, и, встав на ноги, они спешат к стойке, за которой хмурится та женщина.

Женщина сует Йосе планшет с листом бумаги и шагает к двери, ведущей в заднюю часть здания. Силка и Йося идут за ней.

Открыв дверь, женщина ведет их мимо коек, стоящих по обеим сторонам палаты. Силка осматривается. Белые простыни. Одежда серые, но, возможно, толще, чем у них в бараке. Под головами лежащих здесь мужчин и женщин есть подушки.

Минуя палату, они входят в лечебное отделение, отгороженное от остальной части помещения. В ноздри ударяет запах дезинфицирующих средств.

Йосю подталкивают к стулу, стоящему рядом со столом, уставленным склянками, бинтами и инструментами.

Женщина указывает на планшет в руках Йоси и протягивает Силке ручку. Силка понимает, что им надо его заполнить. Женщина поворачивается и уходит.

– Я не смогу это сделать, – шепчет Йося. – Я пишу правой рукой.

– Давай я, – предлагает Силка.

Она берет планшет, отодвигает какие-то инструменты на столе в сторону и кладет планшет.

А потом она видит, что слова там написаны кириллицей. Буквы напоминают туннели и ворота, некоторые со странными завитушками. Силка уже давно не читала на русском. Писать будет довольно трудно.

– Ну, ладно, – говорит она. – Первым пунктом всегда идет фамилия. Йося, какая у тебя фамилия?

– Котецка, Йосефина Котецка.

Силка медленно записывает фамилию, стараясь изо всех сил, в надежде, что врачи смогут прочесть.

– Посмотрим. Наверное, это дата рождения?

– Двадцать пятое ноября тысяча девятьсот тридцатого.

– А здесь надо указать адрес проживания.

– У меня больше нет адреса. Моего отца арестовали после того, как он пропустил один рабочий день. Он работал в лесном хозяйстве и пошел разыскивать моих братьев, которые пропали три дня назад. Потом арестовали мою мать. Мы с бабушкой ужасно перепугались, когда остались в доме совсем одни. А потом они пришли и арестовали нас тоже. – У Йоси несчастный вид. – Никто из моих родных там больше не живет.

– Понимаю, Йося. – Силка кладет руку на плечо Йоси.

Силке было столько же лет, когда забрали всю ее семью.

– Меня посадили в тюрьму, – плачет Йося. – Меня били, Силка. Меня били и хотели знать, где мои братья. Я говорила им, что не знаю, но мне не поверили.

Силка кивает, чтобы показать, что слушает. Странно, думает она, как и когда прошлое пытается открыть себя. Но только не для нее. Она ни за что не сможет найти слова.

– Потом однажды меня с бабушкой посадили в грузовик и привезли на железнодорожную станцию, и вот тогда мы с тобой встретились.

– Прости, что я напомнила тебе об этом, Йося. Давай... – Она опускает взгляд на анкету.

– Нет, все в порядке, – говорит Йося и смотрит на Силку. – Ты расскажешь мне, почему ты здесь? Я знаю только, что ты из Словакии. И еще та женщина в поезде сказала, что была где-то с тобой вместе... Твоих родных тоже арестовали?

– Расскажу как-нибудь в другой раз, – отвечает Силка, и внутри ее все сжимается.

– А когда мы попали сюда, ты знала, как себя вести. – Йося в недоумении хмурит брови.

Оставляя ее слова без внимания, Силка делает вид, что изучает анкету.

Силка и Йося чувствуют кого-то у себя за спиной. Повернувшись, они видят высокую и стройную привлекательную женщину в белом халате, со стетоскопом на шее. На затылке у нее уложены светлые золотистые косы, а когда она улыбается, в уголках голубых глаз собираются морщинки.

Взглянув на лица девушек, она сразу обращается к ним по-польски; этот язык они обе понимают.

– Могу я чем-нибудь вам помочь?

Такого акцента, как у нее, Силка ни у кого не слышала.

Йося собирается встать.

– Нет-нет, сиди на месте. Полагаю, ты и есть больная. – (Йося кивает.) – А ты?

– Я ее подруга. Меня попросили остаться с ней.

– У вас заминка с анкетой?

– Мы уже почти закончили, – отвечает Силка, но потом, не удержавшись, спрашивает: – Как вы узнали, на каком языке с нами говорить?

– Я давно работаю врачом в лагерях и научилась хорошо угадывать. – Врач тепло и доверительно улыбается; первое открытое лицо, увиденное Силкой со дня приезда. – Дай посмотрю, – говорит она, забирая планшет у Силки. – Отлично! – (Силка краснеет.) – Надо заполнить до конца. Я прочитаю вопросы.

– На русском?

– Ты говоришь по-русски?

– Могу говорить, но с письмом сложнее.

– Ладно, в этом случае надо закончить на русском. Чем быстрее его освоишь, тем проще тебе будет здесь. Какие другие языки ты знаешь?

– Словацкий, чешский, польский, венгерский и немецкий.

– Ты меня удивила, – наклонив голову, спокойно произносит врач. – Следующий вопрос анкеты. Какова цель твоего обращения в санчасть? – спрашивает она по-русски.

Силка принимается что-то писать.

Доктор заглядывает ей через плечо:

– Гм... похоже. Почему бы тебе не спросить больную и не записать ее ответы?

Силка начинает паниковать. Ей кажется, врач играет с ней в какую-то игру. Почему она всегда выделяется из общего числа, хотя старается этого не делать? Она спрашивает Йосю по-русски. Йося в недоумении смотрит на подругу.

Силка пытается написать кириллицей «обожженная рука».

– Неплохо, – замечает доктор. – Пока хватит. Я позабочусь об остальном. Мне надо осмотреть больную.

Йося протягивает ей руку. Врач ставит рядом стул и начинает осторожно разбинтовывать руку.

– Кто забинтовал тебе руку?

– Силка.

Доктор поворачивается к Силке:

– Значит, ты Силка?

– Сначала я заставила ее подержать руку в снегу, потом оторвала от простыни лоскут и забинтовала, как могла.

– Хорошо сделала, Силка. Теперь посмотрим на рану.

Сняв бинт, врач поворачивает к себе ладонь Йоси и внимательно рассматривает:

– Пошевели пальцами. – (Йося пытается пошевелить пальцами, но ей больно и мешает припухлость.) – Тебе повезло, что с тобой был человек, знающий, что надо сразу приложить к ожогу холод. Это спасло тебя от более серьезного повреждения. И без того у тебя первая степень ожога пятидесяти процентов ладони и восьмидесяти процентов поверхности четырех пальцев. Большой палец вроде бы в порядке. – Она заглядывает в лицо Йоси. – Тебе понадобятся ежедневные перевязки в течение двух недель, и никакой работы на улице или в помещении. – Врач поворачивается к Силке. – Передай мне тот тюбик... на котором написано «Мазь от ожогов».

Силка протягивает ей тюбик с мазью, сняв крышечку.

Доктор осторожно наносит мазь на руку Йоси.

– Теперь посмотри на полке за твоей спиной и найди большой бинт.

Силка выполняет эту просьбу, передав врачу нужную вещь.

Врач ловко забинтовывает руку Йоси, потом зубами разрывает конец бинта на две части и надежно закрепляет повязку.

– А теперь подай мне со стола тот блокнот и ручку. Мне надо написать записку.

Силка смотрит, как доктор пишет, складывает записку и отдает Йосе:

– Я написала здесь то, что сказала. Ты освобождаешься от работы на объекте и в помещении и должна приходить сюда каждый день на перевязку в течение двух недель. Потом посмотрим, как заживет ожог... Вот что, Силка, я довольна, что ты помогла подруге, и пишешь ты совсем неплохо. – Она разглядывает Силку. – У тебя есть способности к языкам. Понимаешь, у нас в санчасти не хватает персонала для обслуживания нового контингента. Ты бы хотела здесь работать?

Силка осознает все преимущества этого. В лагере существует плохая работа – на улице, тяжелый физический труд – и хорошая работа. В *другом месте* «хорошая» работа подразумевала больше еды и тепла, но в случае с Силкой это означало также и то, что ее постоянно использовали. Кроме того, ей пришлось стать свидетелем самых ужасных вещей в лагере, когда ее поставили старшей над обитателями блока 25. И об этом она продолжает сожалеть. Но ей надо было выживать. Она обменивала еду на сигареты и теплую одежду. Все это в то время, когда женщины входили в тот блок и выходили из него, отправляясь на смерть. Входили и выходили – непрерывно.

Она в недоумении, думая, почему она всегда выделяется из всех. Она бросает взгляд на Йосю, чувствуя, что если скажет «да», то предаст подругу. Предаст всех женщин из своего барака.

– Конечно хотела бы, – отвечает за нее Йося.

Силка смотрит на нее. Йося одобрительно кивает.

– Я...

Если Силка откажется, посадят ли ее в карцер? По крайней мере, может быть, на такой работе она сможет добыть больше еды для нуждающихся или обменять ее на сигареты, сапоги, теплую одежду для других.

У доктора сконфуженный вид. Силка думает, никто на ее месте не отказался бы.

– Боюсь, не смогу, – говорит Силка.

– Прошу прощения? – удивляется доктор. – Мы все должны работать.

– Я с радостью поработаю на шахте, – отвечает Силка, чувствуя, каким безжизненным звучит ее голос.

Когда-то она думала, что заслуживает большего или лучшего, но теперь знает: за все приходится платить бóльшую цену.

– Что ж, – говорит доктор, – давай тогда следующие две недели, когда Йося будет приходить на лечение, ты станешь помогать мне, а потом уже решишь.

Йося вопросительно смотрит на Силку, поощряя ее.

Силка медленно кивает:

– Да, спасибо вам, доктор. А как же Йося?

– Давай подумаем о Йосе через две недели. Уверена, мы сможем найти ей подходящую работу. А пока я напишу тебе записку для вашего бригадира. Тебе следует приходить сюда каждый день вместе с Йосей. После перевязки она будет возвращаться в барак, а ты останешься и будешь работать.

Доктор пишет что-то на втором листке из блокнота, отрывает его и вручает Силке:

– Теперь вы обе идите в свой барак и отдохните.

– Извините, – спрашивает Силка, – но как к вам обращаться?

– Я доктор Калдани, Елена Георгиевна. Можете обращаться ко мне по фамилии или имени-отчеству.

– Спасибо вам, Елена Георгиевна, – хором отзываются девушки.

Они возвращаются следом за ней через больничную палату. От стонов и криков пациентов волоски на шее у Силки встают дыбом.

Она будет делать то, что ей велено.

Пройдя через приемную, они выходят на двор, в холод и вьюгу, и бредут к своему барaku.

Глава 5

– Я знаю, что ты замерзла, – говорит Силка. – Но мне кажется, нам надо экономить уголь, пока остальные не придут с работы. Я добавлю немного, чтобы печь не погасла.

Неужели, думает Силка, она чувствует себя виноватой, потому что в следующие две недели они с Йосей будут весь день в тепле?

Силка подталкивает Йосю к топчану, велит ей поплотнее закутаться в одеяло. Подбросив в печь немного угля, Силка ложится и внимательно рассматривает лицо Йоси. Черты девушки искажены холодом, страхом, болью и смущением.

– Подвинься. – Силка встает со своего топчана и ложится рядом с Йосей, чтобы согреть ее.

Через несколько мгновений они засыпают.

Девушки просыпаются от дуновения ледяного ветра и стонов входящих в барак женщин. Женщины толкаются, чтобы подойти ближе к печке, снимают мокрые сапоги и шевелят озябшими пальцами ног.

– Посмотрите-ка, они весь день провели в постели, – говорит Лена.

Все женщины, лица которых испачканы сажей, смотрят в их сторону. Силка ощущает их гнев, усталость и зависть.

К ним подходит Наталья:

– Ну, как ее рука?

Силка приподнимается и вытаскивает из-под одеяла руку Йоси.

– Врач сказала, что ей две недели надо делать перевязку.

– Это значит, ей не надо работать? – раздается из кучки женщин у печки голос жилистой Ханны, новенькой, которая прилепилась к Лене.

– Конечно, – отвечает Силка. – Она не может даже нормально питаться. Как, по-вашему, она будет работать?

– Ну, по крайней мере, у тебя-то нет оправдания, – возражает Ханна. – Вернешься завтра сюда с ведром угля, не подарок ли это для тебя?

– Я так устала, – говорит Лена, – что хочу уснуть и больше не просыпаться.

Силка ничего не успевает сказать, потому что открывается дверь и входит Антонина.

Все глаза поворачиваются к двери. В следующий момент женщины подбегают к своим топчанам. Йося с трудом встает и занимает свое место.

Антонина проходит мимо женщин к Йосе и Силке. Все взгляды следуют за ней.

– Ну что?

– Извините, Антонина Карповна, можно мне достать записки из-под подушки? – спрашивает Силка.

Бригадир кивает.

Силка достает записки и протягивает их бригадиру. Сначала Антонина читает записку с описанием состояния Йоси, где указано, что ей нужна ежедневная перевязка и что она временно освобождается от работы. Закончив чтение, Антонина косится на руку Йоси и кивает. Потом читает вторую записку, смотрит на Силку и читает снова.

– Тебе досталось тепленькое местечко. Мои поздравления. – Она отдает записки Силке, на ее широком лице написано недоумение. – Все на выход, строиться.

Женщины выходят на улицу, строятся в колонну по двое и идут за Антониной на ужин. Снег прекратился, но успел покрыть землю толстым слоем. Женщины с трудом пробираются по нему. Силка идет, опустив голову и надвинув шапку на лоб. Но Лена и Ханна догоняют ее.

– Признавайся, что написано в той записке, – шипит Лена сквозь шарф.

Силка не отвечает.

– Нам интересно, Силка... – более приветливым тоном произносит Наталья.
– Ну, я не соглашалась, – говорит Силка, – но у них не хватает работников в санчасти, и мне предложили там работать.
– Ну, везет тебе, сука! – задыхаясь от злобы, произносит Лена.
Ханна сердито смотрит на Силку.
– Она сказала «нет», – вмешивается Йося, – но доктор заставляет ее попробовать.
– Почему ты не согласилась? – спрашивает Наталья.
– Наверное, испугалась шприцев, – пытается шутить Силка, чтобы снять напряжение.
Ольга, наблюдающая издали, хихикает.
– Она не хотела оказаться в более выгодном положении, – объясняет Йося. – Честно, я слышала, как она пыталась отказаться.
– Это безумие! – бросает Наталья. – Любая согласилась бы.
Они почти дошли до столовой.
Силка чувствует, что до всех женщин понемногу доходит, что теперь у нее будет доступ к более хорошей еде, теплу, лекарствам. И снова Силка случайно оказывается в более привилегированном положении, хотя и не просила об этом.
– Я постараюсь припрятывать бинты Йоси, – говорит она, – когда их будут менять на новые, чтобы вы смогли заматывать ступни и головы, когда идете на работу.
– Да уж, постарайся, – говорит Лена.
В столовой женщины выстраиваются в очередь за водянистым супом и черствым хлебом. Силка замечает, что Лена продолжает смотреть на нее, перешептываясь с Ханной.
– Все будет в порядке, – говорит Йося Силке, – может, мы все найдем хорошую работу.
Она смотрит куда-то вдаль, без сомнения представляя себе более радужное будущее. Силка довольна, что может поддержать оптимизм подруги. Это делает ее сильной.

* * *

В девять часов вечера свет повсюду выключают, и женщины уже в своих постелях.
Барак снаружи освещается лучом прожектора, метет метель. Дверь открывается. Некоторые женщины поднимают головы, чтобы увидеть, в чем дело. В барак вваливаются парни и мужчины, молодые и старые. Женщины визжат, прячутся под одеялами. *Если ты не видишь меня, а я не вижу тебя, значит меня здесь нет.*
– Мы подумали, что дадим вам время освоиться, – говорит мужчина, в котором Силка узнает Бориса, того, кто ее выбрал. – Но сейчас чертовски холодно, и нам надо разогреться. Где ты? Где моя красотица? Я весь день ждал, чтобы потрахаться. Давай покажись, и мы начнем.
Он направляется в ее сторону, стягивая по пути одеяла со всех женщин.
– Я здесь, – откликается Силка.
– Что ты делаешь? – выкрикивает Йося. – Силка, что происходит? Я боюсь.
Борис останавливается над Силкой, улыбаясь ей.
– Силка! – истошно кричит Йося.
– Заткнись, сука, или я сам тебя заткну! – велит Борис.
– Все в порядке, Йося, все в порядке, – отвечает Силка, хотя ее всю трясет.
– Эй, Вадим, тут твоя рядом с моей, – говорит Борис. – Иди займись ею.
Йося с воплями пытается выбраться из постели.
Борис грубо толкает ее назад и держит, пока не подходит Вадим.
Потом, спотыкаясь, Борис подходит к топчану Силки, садится и принимается стаскивать сапоги. От него разит водкой. Йося тихо рыдает, и от этого у Силки разрывается сердце. Она кладет ладонь на грудь Бориса.

– Если ты позволишь мне поговорить с ней, я попробую ее успокоить, – без выражения произносит она.

Почти все женщины в бараке с воплями отбиваются, но их грубо, с помощью тумаков, принуждают лечь. Силка чувствует себя ответственной за Йосю. Она была свидетельницей того, как выбрали ее подругу. И она должна сделать хоть что-нибудь, чтобы защитить ее.

Борис равнодушно пожимает плечами, тем самым разрешая Силке попробовать успокоить Йосю. Вадим между тем зажимает рукой рот Йоси и срывает с нее одежду.

– погоди минутку, – твердо говорит ему Силка, и он с удивлением останавливается. – Йося, послушай меня, послушай. – Силка наклоняется близко к девушке и шепчет: – Мне жаль... но мы с тобой ничего не можем сделать, чтобы это остановить. Если и есть такой способ, я пока его не придумала.

Она медленно прищуривает глаза. Если ни о чем не думать, то чувство времени искажается. Просто руки и ноги, больше ничего.

– Силка, нет, мы не можем позволить им...

– Если бы могла, я бы убила их, – шепчет Силка, потом обращается к Вадиму: – Прошу тебя, у нее повреждена рука. Осторожно. – Она вновь поворачивается к Йосе. – Йося, я здесь. – Хотя понимает, что на самом деле нет. – Мне так жаль... – Силка смотрит на Бориса. – Она совсем ребенок, неужели он не может оставить ее в покое?

– Не я ее выбрал. Как бы то ни было, Вадим любит молоденьких. Как и я. Ты ведь ненамного старше ее, да?

– Да.

Силка начинает расстегивать рубашку. Она знает, что делать. Визг женщин и крики мужчин, вознамерившихся совершить то, за чем пришли, заглушают все прочие звуки. Силке приходит мысль, что, может быть, этот шум привлечет конвойных, избавителей. Никто не приходит. Вероятно, они заняты тем же самым.

Пока Борис шарит по ее телу грубыми руками, Силка посматривает на Йосю. В мерцающем свете от печки она видит повернутое к ней лицо Йоси – в ее глазах непомерный страх. Силка протягивает к ней руку, и Йося кладет на нее свою плотно забинтованную ладонь. Йося тихо рыдает, и, глядя друг другу в глаза, девушки переживают это жуткое испытание.

Надевая брюки и сапоги, Борис шепчет Силке:

– Никто другой тебя не тронет. И я могу договориться, что с твоей подружкой будет только Вадим.

– Так договорись.

– Пошли, парни! если кому-то не удалось до сих пор никого трахнуть, то сегодня уже не получится. Пошли отсюда, и пусть дамы хорошенько выспятся! – кричит Борис через все помещение.

Ругань неудачливых мужчин мешается со смехом и шуточками победителей, а когда мужчины уходят, не смолкают рыдания поруганных, неутешных женщин. Никто ничего не говорит. В воздухе висит тяжелый дух немых, подвыпивших мужчин.

* * *

Оглушительный лязг металла возвещает наступление нового дня, и женщины медленно встают. Опустив головы, они не смотрят друг на друга. Не разговаривают. Силка бросает быстрый взгляд на Йосю. На одной щеке у нее и вокруг глаза кровоподтек – следы грубого обращения Вадима. Силка собирается что-то сказать, спросить о ее самочувствии, рассмотреть поближе ушибы, но Йося поворачивается к ней спиной. Все понятно без слов.

Завтрак в столовой проходит в молчании. Старожилки бросают на новеньких быстрые взгляды, отмечая про себя следы насилия и зная об их причине. Они вспоминают пережитый

стыд, испытывая благодарность к свежим телам, благодаря которым они будут меньше подвергаться насилию.

Женщины уходят на работу, а Силка с Йосей остаются в бараке. Им велено не уходить, пока не придет Антонина, чтобы отвести их в санчасть. Йося ложится, свернувшись калачиком и зарывшись лицом в подушку.

По мере того как печь остывает, оконное стекло начинает замерзать изнутри. К счастью, им недолго придется пробыть одним. Силка не в силах вынести напряжение между ними.

Когда они входят в приемную санчасти, Антонина подводит их к стойке регистратора.

– Эта вот будет здесь работать, – указывая на Силку, говорит она, и Силка понимает суть ее слов. – Другая должна остаться здесь до конца дня. Я не стану возвращаться за одной.

Женщина за стойкой читает врученные ей листки.

– Пойдемте со мной, – подзывает она девушек.

Они проходят за ней через палату в лечебное отделение. Йося садится на стул, Силка встает у нее за спиной.

С десяток коек заняты, как и стулья, на которых сидят больные. Некоторые пациенты стонут от боли. В основном это мужчины, но есть и несколько женщин. Силка заставляет себя рассмотреть этих людей, попытаться понять, какие у них раны или чем они могут быть больны. У многих это очевидно: заметные раны, из которых сквозь тряпки, заменяющие повязку или жгут, сочится кровь. Она чувствует, как на нее нисходит холодная, как снег, пустота.

– А-а, вот и вы.

Силка и Йося видят идущую к ним Елену Георгиевну. Йося быстро поднимает глаза, а потом вновь опускает.

– Как ты сегодня? Болит рука?

Йося пожимает плечами.

Доктор переводит взгляд с Йоси на Силку, которая отворачивается. Елена Георгиевна осторожно приподнимает лицо Йоси за подбородок, заставляя ее взглянуть на себя. Припухлость на лице девушки увеличилась после пребывания на холодном воздухе. Доктор прикасается пальцами к ушибу. Йося морщится.

– Можешь сказать, что произошло?

Йося опускает голову, и врач убирает руку.

– Это она виновата! – со злостью произносит Йося. – Она заставила меня это сделать, заставила подчиниться. Называет меня своей подругой, а сама ничего не сделала, чтобы помочь мне, просто позволила им...

– Вчера вечером к нам приходили мужчины, – шепчет Силка.

– О-о, понятно, – вздыхает Елена. – Йося, у тебя есть другие ушибы? – (Йося качает головой.) – А у тебя, Силка?

– Нет.

– Конечно нет, она просто позволила ему взять себя, не сопротивлялась, не говорила «нет».

Врач встает:

– Побудьте здесь. Хочу попытаться найти помещение, где я смогу осмотреть вас обеих.

Силка и Йося молча ждут. Силка размышляет об этой докторше. Назначают ли людей на такую работу в лагерях? Или они сами выбирают ее? Невозможно представить никого, кто захотел бы здесь быть. Елена возвращается и отводит их в ближайшую комнату. Находившийся там человек возражает, говоря, что он старший офицер и с ним нельзя обращаться как с эком.

Койка застелена мятой простыней и одеялом бывшего обитателя и пахнет немытым мужским телом, алкоголем и папиросами. Елена усаживает обеих девушек на койку.

– Это страшное место... – говорит докторша.

– Я знаю, – шепчет Силка и поворачивается к Йосе. – Йося, прости, я должна была тебя предупредить, рассказать, чего ожидать, помочь тебе понять...

– Ты просто лежала там. Ты... смотрела на меня. Силка, как ты могла?

Силка по-прежнему почти ничего не испытывает, но замечает, как бы со стороны, что начинает дрожать крупной дрожью, и ее колени подсакивают вверх-вниз на краю койки. Она сжимает колени руками.

– Я уверена, у нее не было выбора, – говорит Елена.

– Она должна была попытаться, подруга попыталась бы. – Голос Йоси слабеет и затихает.

Люди всегда ждут от Силки чего-то такого, чего она не в состоянии сделать. Но труднее всего слышать упреки от человека, с которым она сблизилась.

– Просто я надеялась, что это произойдет не так скоро. Я знала, что случится, но не знала когда и надеялась, что ничего не будет.

Ей искренне жаль подругу, но она не знает, что еще должна была сделать.

Докторша, похоже, чувствует напряжение.

– Пока я хочу осмотреть Йосю, сделать ей перевязку, а потом, Силка, ты сможешь приступить к работе здесь, у нас.

Силка соскальзывает с койки:

– Мне подождать за дверью?

Елена переводит взгляд на Йосю.

– Можешь остаться, – отвечает та с холодком в голосе.

Пока Йосю осматривают, Силка отводит взгляд в сторону и, сцепив руки, пытается унять дрожь.

Бардеёв, Чехословакия, 1940 год

В благоухающий весенний день Силка вместе с сестрой Магдой гуляют по улице их родного города Бардеёва. Магда улыбается двоим мальчикам, идущим навстречу. Она на два года старше Силки, и Силка восхищается походкой сестры, ее тонкими запястьями, на одном из которых поблескивают на солнце часы, восхищается тем, как легонько покачиваются бедра Магды.

– Ты нравишься им обоим, – говорит Силка. – Какой из них нравится тебе больше?

– Они всего лишь мальчишки, – отвечает Магда.

Парни встают перед Силкой и Магдой, принуждая девушек либо остановиться, либо обойти их. Магда останавливается, и Силка следует ее примеру.

– Привет, Ласло, Йордан, – говорит Магда.

– А кто эта миленькая крошка с тобой? – спрашивает Ласло, оглядывая Силку с головы до ног.

– Это моя сестра, моя младшая сестра. Перестань глазеть на нее! – возмущается Магда.

– Любый парень или мужчина захочет поглазеть на нее, – усмехается Ласло.

У Силки от смущения подводит живот. Она опускает глаза в землю.

– Давай, Силка, пойдём. – Магда хватая Силку за руку и тащит ее прочь.

– Эй, Силка, сбеги от сестры и приходи ко мне! – выкрикивает Ласло.

Магда сжимает руку Силки повыше локтя.

– Ой! Перестань, отпусти меня. В чем дело? – спрашивает Силка, стряхивая руку сестры.

– Силка, тебе всего четырнадцать! – напускается на нее Магда.

– Я знаю, сколько мне лет, – дерзко произносит она. – Он очень симпатичный. Ты его хорошио знаешь?

Магда останавливается, приближает свое лицо к лицу Силки.

– Не глупи, Силка. Ты еще ребенок. Он... ну, не совсем мужчина, но и не мальчик тоже. Надо быть осмотрительной.

Силка складывает руки на груди:

– Значит, мне нельзя даже разговаривать с мальчиками. Ты это хочешь сказать?

– Нет, я не это хочу сказать. Однажды ты вырастешь, вот тогда узнаешь...

– Что узнаю? Что ты знаешь о мальчиках? Никогда не видела тебя наедине с мальчиком.

Магда отворачивается, ее красивое лицо омрачается. Силка впервые замечает тени под глазами Магды и выражение страха на ее лице.

– Магда, с тобой все хорошо?

– Пошли, скорей сделаем покупки и вернемся домой до комендантского часа.

– Нет, почему нельзя еще погулять? Не хочу подчиняться такому глупому правилу! Мы не сделали ничего плохого.

– Силка, ты бываешь таким ребенком. Неужели хочешь, чтобы у папы были неприятности, потому что не желаешь делать, как велено? Это так похоже на тебя! Ты всегда хочешь, чтобы все вышло по-твоему. На этот раз, сестричка, делай, как я говорю, и мы вернемся домой до комендантского часа.

– А если не вернемся? Что они нам сделают?

Силка замирает на тротуаре в теплом душистом воздухе. Что может с ними случиться в такой ласковый весенний день?

– Немцы! Не хочешь ты этого понять.

– Насколько хуже может все быть?

– Ох, Силка, хоть раз послушай меня, когда я говорю, что надо сделать так, как просит папа.

* * *

Силка и Йося идут вслед за врачом Еленой Георгиевной в конец лечебного отделения, где их знакомят с двумя медсестрами. Обе русские. Раиса Федоровна и Любовь Лукьяновна. Им дали задание научить Силку заполнять медицинские карты больных, делать в них пометки и подбирать лекарства. Раиса высокая и поразительно бледная, с пухлыми губами. Любовь ниже ростом, с миндалевидными глазами и высокими скулами. У обеих длинные темные волосы, и это говорит о том, что они не заключенные. Силка опять задумывается о том, сами они захотели работать здесь или их назначили. У Силки и Йоси волосы пока короткие, немного выющиеся во влажном воздухе. Раиса и Любовь говорят на нескольких языках, и Силке сказали, что они две недели будут ее главными надзирательницами. Йосе велели сидеть в углу помещения, ожидая окончания рабочего дня.

Силку представляют двум врачам-мужчинам, говорят им, что ее научат по ходу дела записывать результаты их осмотра пациентов. Силка замечает обращенные на себя восхищенные взгляды. Она съеживается. Неужели это место такое же угрожающее, как барак 29? Время покажет.

Йося сидит на полу позади большой стойки, за которой стоят четыре стула для персонала. Одна из женщин предлагает ей стул, но она отказывается и вскоре засыпает, свернувшись калачиком. Усталость. Травмы. Шок. Комбинация всех трех.

Силка обучается быстро. Она осваивает то, как следует выбирать нужные сведения для каждого пациента и заносить их в карточку. Потом ее приводят в небольшую комнату в задней части отделения и показывают лекарства, которые ей придется отбирать, записывая их названия. Ее оставляют там для изучения названий, их написания и полезных свойств.

Когда за Силкой на аптечный склад приходит Раиса, чтобы отвести ее на обеденный перерыв, Силка просит Раису проверить, как она усвоила полученную информацию. Раиса хвалит ее, особенно за произношение.

Входит другая медсестра, сердито спрашивая о том, что они здесь делают. Не дожидаясь объяснения, она велит им выйти из помещения.

Силка еще не вполне уяснила себе иерархию, но понимает: здесь, как и везде, ей придется узнать, кому можно доверять, а кого надо избегать.

Силка садится за стойку, и ей передают жестяную тарелку со сладкой булочкой, картофелиной и крошечной горкой сушеных зеленых бобов.

– Это мне? – спрашивает она.

– Да, ешь, – говорит Раиса. – Нам можно есть то, что не съели пациенты. То, что остается. Многие из них такие больные, что не могут есть.

– Разве им не нужна еда, чтобы поправиться?

– Некоторые не поправятся, и мы не можем их принуждать. Если мы отправим еду обратно на кухню, жадные свиньи съедят ее или продадут. – Раиса в отвращении сжимает губы в тонкую линию.

Желудок Силки вдруг скручивается. Не впервые ей доводится есть пищу умершего человека.

– Можно я поделюсь с подругой?

– Если хочешь, – пожимает плечами Раиса.

Силка берет тарелку, садится рядом с лежащей у стены Йосей и осторожно трясет девушку, чтобы разбудить ее. Йосей не сразу понимает, где находится.

– Вот, поешь немного.

– Не хочу твою еду. Ничего от тебя не хочу.

Йосей вновь ложится и закрывает глаза.

Силка разламывает булочку пополам и кладет одну половинку на пол перед Йосей.

Входит Люба, другая медсестра, и устраивается рядом с Силкой.

– Хорошо, что у нас есть еще одна помощница.

– О-о... не знаю, много ли пока от меня толку.

– У тебя все получится. Раиса сказала, ты быстро обучаешься и уже произносишь названия лекарств лучше ее.

– Мне легко даются языки.

– Отлично! Когда начнешь писать собственные отчеты, орфография должна быть безупречной. В основном это не так уж важно, но время от времени у нас бывают проверки, и, если обнаружат ошибки в орфографии, у всех нас будут неприятности.

– Не хочу, чтобы у вас были неприятности. Можно я буду показывать вам то, что напишу, перед тем как положить в папку?

– Конечно. Именно это я и предлагаю. Мы с Раисой будем обучать и проверять тебя. Мне кажется, ты нравишься Елене Георгиевне, так что все будет хорошо. – Люба бросает взгляд на настенные часы. – Пора возвращаться к работе.

Силка смотрит на Йосю и на недоеденный кусок булочки. Хорошо, думает она, что Йосей не хочет примириться со своей ситуацией. Это проявление силы. Но все же Силка чувствует укол обиды.

* * *

Вернувшись в барак раньше остальных, Силка и Йосей застают там полный разгром. Со всех топчанов сорваны простыни и одеяла, а некоторые топчаны перевернуты или стоят на боку. Жалкие принадлежности женщин в беспорядке валяются на полу барака.

Йося, Силка и Антонина стоят в проеме двери, обозревая этот погром.

– Гм... Похоже, здесь побывала Клавдия Арсеньевна, – говорит Антонина.

– Можно нам прибраться? – войдя в барак, тихо спрашивает Силка.

– Можете застелить свои постели.

Антонина стоит, уперев руки в бока, и Силка замечает, какая она сильная, хотя и не очень рослая. Под одеждой обрисовываются выпуклые мышцы рук, бедер, груди.

– А как же остальные? Может быть, нам заняться уборкой, пока мы ждем вашего возвращения?

– Думаю, лучше, если они сами увидят и приберутся.

– Но почему? И зачем она это сделала?

– Клавдия Арсеньевна – старшая надзирательница при этом бараке и большой бригаде.

Она ищет вещи, которых у вас не должно быть.

– У нас все отобрали. Как у нас может быть что-то запрещенное? – спрашивает Йося.

– Она это знает, но таким образом предупреждает вас. А может быть, дело в том, что она узнала про твою работу, Силка. Теперь у тебя есть доступ к вещам, которых нет у других. Если она найдет что-то, что ей не понравится, тебя могут в качестве наказания отправить в карцер.

Антонина поворачивается и выходит из барака, оставляя открытой дверь, через которую задувает ледяной воздух. Йося закрывает дверь. Но что Клавдия намерена найти? – думает Силка. Им как будто разрешено иметь какие-то личные вещи. Правила здесь меняются изо дня в день. И хотя у этого лагеря другое назначение – заставить их работать на Советский Союз, а не убивать за то, что они евреи, – в этих условиях, при постоянной угрозе насилия и карцера, Силка понимает, что попала из одного жестокого, бесчеловечного места в другое.

Она подходит к печке и пытается оживить ее, понемногу подкладывая из ведра на угасающие угли небольшие порции угольной золы. Что же им делать с разгромленной комнатой?

– Думаю, она была права, – говорит Силка Йосе. – Надо оставить все, как есть, а потом передадим им слова Антонины.

Йося игнорирует ее и подходит к своему топчану, пытаясь одной рукой расправить постель.

– Давай помогу, – предлагает Силка.

– Не нужна мне твоя помощь.

– Отлично! – резко произносит Силка и отворачивается.

Но в конце концов она снова поворачивается к Йосе, которая зарылась в одеяло спиной к ней.

* * *

День переходит в вечер. Силка продолжает топить печь, когда открывается дверь и вваливаются женщины. Единственная лампочка отбрасывает зловещие тени на царящий вокруг разгром, и поначалу женщины не могут разглядеть, что творится в их бараке. Постепенно, когда каждая подходит к своей постели, это становится очевидным. Некоторые набрасываются на стоящую у печки Силку.

– Какого хрена вы наделали?! – возмущается Лена.

До Силки доходит, что ее с Йосей собираются во всем обвинить.

– Нет-нет, это не мы! – Она подавляет в себе желание накричать на женщин. – Видите, мой топчан в таком же виде. Мы пришли и увидели все это.

– Тогда кто же это сделал? – спрашивает Ханна.

– Это была надзирательница. Ее зовут Клавдия Арсеньевна. Нам сказала о ней Антонина.

– А зачем?

Силка быстро объясняет.

У Ханны очень бледный вид.

– О нет!

– В чем дело? – интересуется Лена.

Ханна в поисках чего-то ворошит простыню, одеяло и матрас.

Лена вдруг сильно бьет ее ладонью:

– Это всего лишь сухарь, Ханна!

Ханна громко всхлипывает:

– Я припрятала его для тебя.

Другие женщины отворачиваются. Они заняты приведением в порядок своих постелей, ожиданием гонга на ужин.

* * *

После обеда они возвращаются в барак, явно оттягивая время отхода ко сну. Некоторые занялись какой-то скучной рутинной работой. В более ярком свете столовой Силке удалось разглядеть на лицах некоторых женщин синяки с прошлой ночи. Она заметила, что одна из женщин держится за поврежденное запястье.

Йося по-прежнему избегает Силку, предпочитая разговаривать с Натальей. Их ссора очевидна для женщин, но никто ничего не говорит.

– Думаешь, они снова придут? – шепотом спрашивает Ольга.

Скрюченными от усталости и холода руками она возится с лоскутком ткани, распарывая стежки, а потом пришивая лоскут к ватнику. Она будет заниматься этим, пока не придет время лечь спать.

Никто не осмеливается ответить на вопрос Ольги.

Когда лампочку выключают, то свет прожектора снаружи бросает рассеянные тени, пляшущие по барaku, а падающий снег играет в лучах. Женщины медленно укладываются в постели. Они уяснили, что должны, насколько это возможно, хорошо выспаться перед сменой, которую им предстоит вынести завтра.

Глава 6

Две недели лечения руки Йоси прошли быстро. С помощью Елены Георгиевны руку удалось вылечить, и теперь Йосе предстоит вернуться к обычной работе. Холода продолжают усиливаться, и светлые часы суток укорачиваются. Женщины из барака 29 лучше узнали друг друга или, по крайней мере, привыкают друг к другу. Завязываются дружеские отношения, разрушаются и вновь завязываются. Случаются и ссоры. Йося держится отчужденно, и Силка смиряется с этим. Она понимает: работа в санчасти может надолго отдалить ее от соседок по бараку. Однако она считает, что должна взяться за эту работу, чтобы выжить. Реакция окружающих ее женщин – это нечто такое, с чем следует примириться. Некоторые, вроде Ольги и Маргариты, чувствуют к ней благодарность и говорят, что рассчитывают на дополнительную еду, бинты и лоскуты ткани, которые помогут лучше сохранить тепло. Пока лишь Лена держится враждебно. И хотя она кричала и шипела на Силку, но не посмела тронуть ее. Мужчины продолжают приходить по ночам. Женщин насилуют, унижают, травмируют. Творятся и другие несправедливости. Двоих отправили в карцер за проступки, включая и Ханну, приспешницу Лены, которая всего лишь как-то не так посмотрела на надзирательницу Клавдию Арсеньевну. Когда несчастная через несколько дней вернулась, то не могла даже разговаривать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.